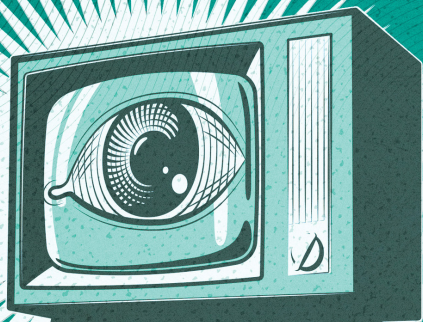

ХЬЮБЕРТ

СЕЛБИ-МЛ.

РЕКВИЕМ
ПО МЕЧТЕ

18+

Хьюберт Селби-младший

Реквием по мечте

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20615441

*Хьюберт Селби-мл. Реквием по мечте: Ультра. Культура;
ISBN 978-5-17-115611-4*

Аннотация

Впервые «Реквием по мечте» был опубликован в 1978 году. Книга повествует о судьбах четырех жителей Нью-Йорка, которые, не в силах выдержать разницу между мечтами об идеальной жизни и реальным миром, ищут утешения в иллюзорных эрзац-заменителях. Главным героем романа, по мысли автора, является Зависимость, а сама книга – манифестом триумфа Зависимости над человеческим духом. Это реквием по всем тем, кто предал жизнь для радужной иллюзии и потерял в себе Человека.

Экранизация «Реквиема по мечте» состоялась в 2001 году. Фильм был номинирован на премии «Оскар» и «Золотой глобус».

Книга содержит нецензурную брань

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Введение к новому изданию	5
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Хьюберт Селби-мл.

Реквием по мечте

Hubert Selby Jr.

REQUIEM FOR A DREAM

Перевод с английского В. Осовского

Компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств Sobel Weber Associates, Inc. и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

© Estate of Hubert Selby, Jr., 2004

© Перевод. В. Осовский, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Введение к новому изданию

«Реквием по мечте» впервые был опубликован в 1978 году. Очень приятно, что эта книга до сих пор продается и готовится ее новое издание. По книге также снимается фильм, так что она живет и дышит (как и я).

Есть нечто прекрасное и горькое в том, что все это происходит именно сейчас, во время «невиданного процветания», когда для многих Американская Мечта становится явью. Разумеется, лично я считаю, что стремление к Американской Мечте не только бесполезное, но и опасное занятие, поскольку в конце концов она разрушает все и всех, кто имеет к этому отношение. Так и должно быть по определению, потому что она питает чем угодно, кроме самых важных вещей: честности, нравственности, истины, – наши сердца и души. Почему? Потому, что Жизнь/жизнь существует для того, чтобы давать, а не получать.

Я не предлагаю отдать все бедным и бездомным – а их миллионы среди повального изобилия, – облачиться в рубище и пойти по улице с чашей для подаяний. Это, в сущности, не многим отличается от стяжательства. Я не боюсь денег и всего того, что на них можно купить. Я не прочь иметь дом, набитый всякой всячиной, – хотя для начала мне следовало бы обзавестись домом. Я голодал и не вижу в голоде ничего благородного. Так же как не вижу ничего благородного в

обжиралове, хотя быть сытым все же лучше, чем голодать. Тем не менее верить в то, что погоня за вещами есть цель жизни, – безумие.

Мне кажется, у каждого из нас есть личная мечта, индивидуальное Видение, собственный способ отдавать, но по многим причинам мы боимся идти этим путем или вообще признать и принять его существование. Однако отрицать свое Видение – значит продать душу. Получать не отдавая – значит жить ложью, отрицая истину, тогда как Видение есть отблеск истины: понятное дело, ничто извне не может на самом деле подпитывать мой внутренний мир, мое Видение.

Что произойдет, если я повернусь спиной к своему Видению и стану тратить время и энергию на достижение того, что предлагает Американская Мечта? Я стану нервным, мне будет некомфортно в собственной шкуре, потому что вина за то, что я предал свое «я», оставил свое Видение, вынудит меня оправдывать собственное существование, то есть самоутверждаться, подходя к жизни как к вечному состязанию. Я буду приобретать снова и снова, чтобы усмирять и ублажать смутное ощущение пустоты, грызущее меня изнутри.

Конечно, не каждый испытывает муки такого рода, но многие страдают, хотя не понимают, что именно их гложет. Уверен, у психологов есть специальный термин, определяющий такого рода расстройство, но важна причина, а не классификация. В мире миллионы людей, которым сходят с рук

отвратительные дела, и они процветают. Именно так все выглядит на первый взгляд. И все же я знаю абсолютно точно по собственному опыту, что в этой жизни бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и в конце концов нам всем придется сполна ответить за все свои поступки, за действие и за бездеятельность.

Эта книга о четырех людях, преследовавших Американскую Мечту, и о результатах этой погони. Они не видели разницы между Видением в их сердцах и иллюзией Американской Мечты. В результате все ценное, что у них имелось, было утеряно.

К сожалению, я подозреваю, что реквиема по этой мечте не будет никогда, потому что она уничтожит нас до того, как мы получим возможность оплакать ее уход. Возможно, время докажет, что я ошибался. Как сказал Хемингуэй: «Этим ведь можно утешиться, правда?»

Хьюберт Селби-младший

Лос-Анджелес, 1999

*Эта книга с любовью посвящается Бобби,
который нашел единственный источник чистоты –
веру в любящего нас Господа.*

Гарри запер мать в шкафу. Гарольд. Пожалуйста. Только не забирай снова телевизор. Хорошо, хорошо, открыл дверь Гарри, тогда перестань издеваться надо мной. Он направил-

ся к телевизору. И не лезь ко мне. Он выдернул шнур из розетки и отключил телескопическую антенну. Сара вернулась в шкаф и закрыла дверь. Некоторое время Гарри смотрел на шкаф. Хорошо, сиди там. Он покатил телевизор на подставке, в какой-то момент едва не уронив его, когда подставка дернулась и резко остановилась. Что за черт? Он посмотрел вниз и увидел велосипедную цепь, идущую из металлической скобы на боку ящика к трубе радиатора. Он устоял на чулан. И что это ты делаешь, а? Что еще за цепь? Хочешь, чтобы я сломал телевизор моей собственной матери? Или радиатор? – она молча сидела на полу шкафа, – а может, вообще взорвать к черту весь дом? Хочешь меня убийцей сделать? Собственного сына? Твою плоть и кровь? ЧТО ТЫ СО МНОЙ ДЕЛАЕШЬ???? Гарри стоял перед чуланом. С ТВОИМ СОБСТВЕННЫМ СЫНОМ!!!! Маленький ключ медленно выполз из-под дверцы шкафа. Гарри поддел его ногтем и вытащил. Почему тебе так нравится играть на моих чувствах, черт побери, постоянно взваливать на меня груз вины? Неужели у тебя нет вообще никакого уважения к моим чувствам? Почему тебе все время нужно осложнять мне жизнь? Почему... Гарольд, я не хотела. Эта цепь не для тебя. Для грабителей. Тогда почему ты мне не сказала? Телевизор чуть не опрокинулся. У меня разрыв сердца мог быть. Сара в темноте покачала головой. Все в порядке, Гарольд. Тогда почему ты не выйдешь? Гарри тянет на себя дверь, дергает ручку, но дверь закрыта изнутри. Гарри поднимает в отча-

янном жесте руки. Ну что я говорил? Видишь, как ты меня постоянно расстраиваешь? Он подошел к телевизору и снял цепь, потом снова повернулся к шкафу. Зачем поднимать из-за этого столько шума? А? Просто чтобы взвалить на меня груз вины, так? Так????? – Сара продолжала раскачиваться взад-вперед – ты же знаешь, что получишь телик обратно через пару часов, но тебе обязательно надо заставить меня мучиться виной. Он смотрел на шкаф – Сара молчала и продолжала раскачиваться – он махнул рукой, а, черт с ним, и стал осторожно толкать подставку с телевизором к выходу из квартиры.

Сара слышала, как мимо нее провезли телевизор, как открылась и захлопнулась дверь, но так и осталась сидеть, покачиваясь с закрытыми глазами. Всего этого не было. Она этого не видела, значит, этого не происходило. Она сказала своему мужу Сеймуру, умершему несколько лет назад, что ничего этого не было. А если и было, то не стоит беспокоиться, Сеймур, все снова будет в порядке. Это вроде рекламной паузы. Вскоре передача продолжится, и ты увидишь, Сеймур, все будет хорошо. Все получится. Вот увидишь, в конце все будет хорошо.

Партнер Гарри, черный парень по имени Тайрон Си Лав – точно, братан, так меня и зовут, и я не люблю никого, кроме Тайрона Си, – ждал его в коридоре, жуя «сникерс». Вдвоем они без проблем вытащили телевизор на улицу, Гарри здо-

ровается со всеми греющимися на солнышке *yentas*. Теперь самое трудное. Нужно протолкать столик на колесиках с телевизором три квартала до ломбарда, стараясь уберечься от кидалова, от малолетних придурков, которые могли опрокинуть его, от дыр в асфальте, куда могло попасть колесо, куч мусора, плюс долбаный столик мог просто развалиться – и все это не теряя терпения и упорства. Тайрон придерживал телевизор, а Гарри толкал столик-подставку, Тайрон был и впередсмотрящим, предупреждая о попадающихся на пути кучах бумаги и мешков с мусором, которые угрожали благополучному завершению их миссии. Они взялись за разные концы столика и, приподняв его, перенесли через бордюр и на другую сторону улицы. Тайрон склонил голову и оглядел телевизор. Черт, эта хрень выглядит стремновато, чувак. Чего это вдруг? Эй, детка, да мне наплевать, даже если из него волосы полезут, лишь бы мы бабло за него получили.

Мистер Рабиновитц покачал головой, увидев, как они вкачивают телевизор в его ломбард. Смотри-ка, и столик тоже. Эй, чего вы от меня хотите? Не на спине же мне его тащить. У тебя есть друг, он тебе пусть поможет. Эй, мужик, я тебе не *schlepper*. Гарри усмехнулся и покачал головой: каков жид, а? Ладно, так будет легче отвезти его обратно домой. Вот это мой чувак, всегда о маме беспокоится. Ай, какой сын, *goniff*. Ты ей нужен как рыбе зонтик. Хватит, Эйб, мы спешим. Просто дай нам денег. Спешим, спешим. Всегда куда-то спешим, неторопливое возвращение за прилавок, при-

дирчивый осмотр каждого карандаша... Прямо такие важные дела, что мир развалится, если их срочно не решить. Он пощелкал языком, покачал головой, медленно пересчитал деньги... потом еще раз... и еще... – Эй, перестань, Эйб, давай побыстрее. Что это за прикол такой, брат? Он слюнит пальцы и считает снова и снова, будто на них цифры помечаются. Он даже себе не верит, блин.

Мистер Рабиновитц отдал деньги, и Гарри расписался в книге. Сделайте одолжение, откатите его вон туда.

Чиерт, знаешь, братка, каждый раз, когда мы встречаемся, моей маленькой красивой заднице приходится здорово попотеть. Они затолкали телевизор в угол и ушли.

Мистер Рабиновитц посмотрел им вслед, покачал головой, поцокал языком и вздохнул. Что-то не так... не кошерно все это, совсем не кошерно.

Зачем ты хочешь ехать туда, старина? А мне туда зачем? Потому что у них на каждом чеке печать голубая проставлена. Знаешь что, Гарри, ты очень наивный. Тебе надо быть серьезнее, когда ты говоришь о таком важном предмете, как кайф, чувак. Особенно когда речь идет о моем кайфе. На твой мне наплевать. На свой нет. А что самое лучшее в кайфе? В каком смысле, старик? У них здесь не меньше связей, чем там. Мы можем даже попробовать что-нибудь новенькое. Новенькое? Да, детка. Мы просто могли бы перейти улицу и посмотреть, кто больше всех почесывается и зали-

пает, и тут же станет ясно, где самый реальный перец, такой, от которого крышу срывает, братишка. Да и на такси сэкономим. Такси? Тебе что, наследство обломилось? Эти бабки пойдут только на кайф, а не на какое-то там сраное такси. Сначала заботятся о вещах первой необходимости, а потом уже думают о роскоши.

Бля. Ты думаешь, я поеду в сраном метро вместе с всякими извращенцами и алкашами? Охренеть. У тебя совсем с головой непорядок. Тебя кинут, и двух станций не успеешь проехать. Эй, чувак, только не надо прикидываться типичным черножопым лентяем джо. Тайрон хохотнул, брат, если мне все же придется-таки ехать в метро, то давай уж тогда я позвоню моему приятелю Броуди, и посмотрим, что у него имеется. Дай монетку. Да ты охренел, с каких это пор нам нужна медь, чтобы позвонить. Эй, детка, я не вяжусь с телефонными компаниями. Гарри, прислонившись, стоял у будки, пока Тайрон заговорщицки что-то шептал в телефонную трубку. Примерно через минуту Тайрон повесил трубку и вышел из будки с широкой ухмылкой на лице. Эй, чувак, закрой пасть, глазам больно. Засранец бледножопый. Уж ты-то точно сдох бы на любом хлопковом поле. Гарри догнал Тайрона и зашагал рядом. Какие новости? У моего человека не гера, а динамит, детка, и мы купим у него ложку. Они раздельно поднялись по лестнице из подземки на улицу. Гарри огляделся по сторонам, отстав от шедшего по улице Тайрона, потом зашел в ближайшую кафешку. Это был натураль-

ный черный район. Даже легавые в штатском были черными. Гарри всегда чувствовал себя неуютно в этой забегаловке, где пил черный кофе с шоколадным пончиком. Это было единственным неприятным моментом в замутах через Броди. Обычно у него был порох отличного качества, но Гарри нельзя было идти дальше кафешки, иначе они спалят всю тему, или, что было не менее паршиво, ему наверняка разобьют башку. Вообще самым умным было остаться в городе, но Гарри невыносима была мысль торчать так далеко от денег и кайфа. А вообще, неприятно сидеть тут и чувствовать, как напрягаются мышцы живота и беспокойство расползается по телу, но все же в тыщу раз лучше, чем *не* сидеть.

Он заказал еще чашку кофе и еще один пончик, слегка повернувшись на стуле, когда черный, как его пончик, и здоровенный, как хренов грузовик, Мак-коп уселся рядом с ним. Господи Иисусе, везет же мне. Хотел расслабиться и выпить чашку кофе – и тут же ко мне пристраивается этот бабуин. Черт! Он пил свой кофе и смотрел на ствол в кобуре легавого, воображая, что было бы, если бы он внезапно выхватил его и начал палить: бах, бах, снес бы говнюку башку, к свиным собачьим, потом кинул деньги на прилавок и сказал бы чиксе, мол, сдачи не надо; или втихую вытащить пистолет и отдать его легавому, сказав, типа, нашел его на полу, не ваши ли; или круче всего – спереть эту хрень и послать по почте его начальнику с запиской, мол, двое ребят спалились с ним, так что он бы получше приглядывал за своими игрушками...

Да, это было бы весело, Гарри посмотрел на этого огромного сучару, болтающего с девкой за прилавком и гогочущего, как гиена, и ему стало интересно, что бы подумал легавый, если бы до него доперло, что его жизнь в руках Гарри. Потом Гарри вдруг заметил, что лапа легавого – он держал кружку с кофе – больше, нах, чем баскетбольный мяч, и, заглотнув остатки пончика и запив их остатками кофе, вывалился из кафешки, все еще ощущая *гору неприятностей* за спиной, а Тайрон уже вприпрыжку спускался по лестнице в подземку.

Квартира Тайрона была не более чем комната с раковиной. Они сидели за маленьким столом – шприцы, ложки в стакане с розовой от крови водой, – клюя носами, втыкая. Расслабленные пальцы едва удерживают сигареты. Периодически почесываются носы. Голоса севшие и глуховатые. Чиеерт, вот это перец, детка. Просто ди-на-мит. Да, брат, это вещь. Сигарета обожгла Гарри пальцы, и он уронил ее на пол, дерьмо, затем медленно наклонился и с минуту смотрел на нее, потом наконец подобрал окурок, осмотрел его, медленно достал из пачки новую сигарету, засунул в рот, прикурил ее от старой, бросил окурок в пепельницу и лизнул обожженное место. Некоторое время он рассматривал носок своего ботинка, затем носок второго ботинка... Выглядели они хорошо, вроде как *мягко*, да – потом его внимание привлек большой таракан, агрессивно промаршировавший мимо, и, пока Гарри решал, не наступить ли на него, таракан исчез за плинтусом. Этот сукин сын запросто мог прогрызть дыру в

моем ботинке. Он с трудом поднял руку с сигаретой и сделал затяжку, глубоко вдохнул дым, ощущая каждую его молекулу, наслаждаясь щекотными ощущениями в горле, божественным вкусом табачного дыма. Есть что-то в героине, что делает сигаретный дым таким офигенно вкусным. Знаешь, что нам нужно сделать, мужик? А? Нам нужно разделить герик пополам, разбодяжить его и половину продать, врубаешься? Да, детка, половины достаточно, чтобы раскумариться в слюни. Точно, мы немного оставим для себя, а остальное сольем. Мы удвоим наши деньги. Легко. Точно, детка. А потом купим еще пару граммов – и понеслась. Это будет круто, братишка. Нам просто надо быть с ним поаккуратней, не торчать постоянно, только иногда, время от времени, чтобы не подсесть, и у нас будет куча бабла уже через пару недель. Могу поспорить на твою сладкую жопку. У нас будет бабла до задницы, просто купаться в деньгах будем, братуха. Точно тебе говорю. И мы не спалимся, как остальные лохи. Мы не подсядем и не завалим дело. Мы будем держать себя в руках и крутить бизнес, быстренько замутим фунтик чистого и будем просто сидеть и считать денежки. И нам не надо будет банчить на улицах. Ты чертовски прав, засранец. Мы возьмем героин напрямую у итальяшек, разбодяжим и расфасуем сами, а продавать за нас будут торчки, у которых из носа кровуха, а сами расслабимся, будем считать бабло и кататься на здоровенном розовом «эльдорадо». Ага, а я куплю себе шоферскую униформу и буду возить твою черную жопу

по всему городу. И уж постарайся не забывать придерживать дверь, не то я поджарю твой задок... О да, меня зовут Тайрон Си Лав, и я никого не люблю, кроме Тайрона Си. Ну уж я-то точно собираюсь любить не Тайрона Си. Я сниму себе отличную квартирку в районе Сентрал Парка и буду проводить все свободное время, вынюхивая хорошеньких кисок. Блин... А ты не охренеешь? У тебя болт отвалится. Да я просто буду ложиться рядышком и гладить ее дырочку, а иногда покусывать. Бля. Вот стыдоба-то. Этот чувак собирается лежать в хорошей квартирке с хорошенькой лисичкой и тыкаться носом в ее грязную дыру. Да что ты от меня хочешь, ну нравится мне целовать их там. Боже милостивый, ну ты и грязный ублюдок. У вас, евреев, серьезная проблема – вы понятия не имеете, как правильно обращаться с женщинами. Черт, мужик, уж мы-то как раз знаем. Это у вас, африканцев, с хорошими манерами проблемы... Ты чо думаешь, почему у евреев всегда лучшие девочки? С деньгами это не связано. Просто мы любим лизать киски. Чиеерт, да ты просто придурок, чувак. После того как мой портной снимет с меня мерку, чтобы сшить мне еще несколько отличных костюмов, у меня перед квартирой выстроится очередь из таких кисок, что у тебя коленки затрясутся. Это будут очень классные девочки. И каждый день разного оттенка. Как думаешь, сколько времени нам понадобится, чтобы купить фунт чистяка? Блин, чувак. Это ерунда. Просто сначала надо будет немного побанчить самим – и все срастется. К Рождеству мы уже будем

считать денежки и трепаться о такой вот ерунде. С Рождеством, брат. Сигарета снова обожгла пальцы Гарри, бля, он снова уронил ее на пол, вот же сука.

Два подростка вошли в ломбард вместе с Сарой. Мистер Рабинович прошаркал навстречу, добрый вечер, миссис Голдфарб. Добрый вечер, мистер Рабинович, хотя я не уверена в том, что он действительно *добрый*. А как вы? Ох, он прикрыл глаза, ссутулился и опустил голову, ну что я могу сказать? Я один в своей лавке, а мой жена пошла на шопинг mit наша дочь Ракель для нашего малыша Иззи, и они все еще не вернулись. На обед я буду кушать холодный язык, но без ржаного хлебца... немножко редьки и горчица, но без хлебца, ай... Он пожал плечами, покачал головой, и на ужин, наверно, холодный суп, если она не вернется, вы хотите свой телевизор? А сколько уже маленькому Иззи? О, он такой хорошенький, так бы и съел его маленькие пухленькие ножки. Да, если вы не возражаете. Я взяла с собой этих милых молодых людей, чтобы они помогли мне довести телевизор до моей квартиры, – такие милые мальчики, помогают несчастной матери – слава богу, он прикатил его сюда на подставке, нам легче будет доставить его домой. У меня сейчас с собой только три доллара, но на следующей неделе я... Берите, берите, он снова пожимает плечами, опускает голову: я действительно надеюсь, что он не увезет его снова, прежде чем вы заплатите за этот раз, не так, как тогда – он закла-

дывал телевизор уже три раза за месяц, и сколько времени понадобилось, чтобы вам расплатиться? Иззи на следующей неделе уже годик будет, во вторник – о-ооо, вздох Сары был глубоким и долгим, – кажется, еще вчера Ракель играла в куклы, и вот... Сара отдала три доллара, свернутые и припрятанные в блузке, мистеру Рабиновитцу, и он, прошаркав за прилавок, сунул их в кассу, аккуратно сделав пометку в блокнотике с надписью ТВ САРЫ ГОЛДФАРБ на обложке. Все страницы в ней были заполнены колонками цифр и дат за несколько лет, фиксировавшими выдачу денег Гарри, когда тот закладывал телевизор, и суммы, уплаченные его матерью при выкупе. Подростки начали толкать подставку с тележкой к выходу из ломбарда на улицу. Миссис Голдфарб, могу ли я задать вам вопрос – надеюсь, вы не воспримете его слишком лично? Сара пожала плечами: сколько лет мы знаем друг друга? Он покачал головой вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз. Да уж, и не припомнить. Почему вы не рассказать об этом полиции, может, они поговорить с ним, и он перестанет красть ваш телевизор, а может, они посадить его на несколько месяцев подумать, а потом он стать хороший мальчик, любить вас и больше не красть ваш телевизор? О-ооо – еще один долгий глубокий вздох – мистер Рабиновитц, я не могу – она пылко прижимает руку к груди – Гарольд мой единственный сын и родной человек. Он единственный, кто у меня остался. Все остальные умерли. Остались только я и Гарри... Мой сыночек, моя кровиночка. И кто знает, сколько

у меня осталось времени, – ай, такая молодая женщина – она отмахнулась от его замечания, – чтобы помочь моему сыну. Он последний в роду. Последний из Голдфарбов. Как я могу превращать его в преступника? Они посадят его с ужасными людьми, которые научат его ужасным вещам. Нет, он слишком молод. Он хороший мальчик, мой Гарольд. Он просто немножко озорник. Когда-нибудь он встретит хорошую еврейскую девушку, успокоится, и я стану бабушкой. До свидания, мистер Рабиновитц, – она помахала рукой, выходя на улицу, – передайте привет миссис Рабиновитц. Аккуратнее на выходе, мальчики. Эйб Рабиновитц кивал, глядя вслед ей и мальчишкам, пока они шли мимо немытых окон его лавки – до тех пор, пока они не исчезли из вида. Он перестал кивать и укоризненно покачал головой. Ай, что за жизнь такая. Надеюсь, она уже пришла. Мне не хочется есть холодный суп. В моем возрасте мужчине нужна горячая еда для желудка и горячая вода для ног. Ай, мои ноги. Аххххххх... Что за жизнь. *Tsouris... tsouris...*

Когда подростки ушли, Сара снова пристегнула телевизор цепью к радиатору. Она включила его, подключила антенну и, усевшись в кресло, посмотрела рекламу Procter & Gamble и какой-то сериал. Она поджимала губы, глядя, как люди на экране чистят зубы и проводят по ним языком, доказывая, что на них не осталось налета, и искренне радовалась, когда у миленького малыша не обнаружилось кариеса, но он был

такой тощенький, ему нужно бы нарастить мяса. У него нет кариеса, хвала Господу, но ему нужно побольше мяса на костях. Как и Гарольду. Он такой худой. Я ему говорю: ешь, ешь, у тебя же все кости наружу. Ради бога, это же мои пальцы. Ты что, хочешь, чтобы у меня жир свисал с пальцев? Я просто хочу, чтобы ты был здоров, тебе надо поправиться. Интересно, есть ли у Гарольда кариес? Его зубы на вид не слишком здоровые. Он курит так много сигарет. Мальчик снова оттянул губу. Какие красивые белые зубки. Когда-нибудь он вырастет и, может быть, начнет курить, и у него тоже будут желтые зубы, как у Гарольда. Нет, у него не должно быть кариеса, – и она продолжала смотреть в телевизор, где коробки отбеливателя, взрываясь, превращались в сверкающие белизной рубашки, а бутылки чистящего средства – в экзотических педерастичных персонажей, стирающих все свидетельства человеческого присутствия со стен и полов; усталый муж приходит домой после трудного дня на работе и так потрясен белизной рубашек и чистотой полов и стен, что забывает о всех бедах мира, он обнимает жену – о, разве она не худышка? Аккуратней, не сломай ее. Но она выглядит такой милой. Хорошая девушка. Содержит дом в чистоте. Моему Гарольду надо найти себе такую. Хорошую милую еврейскую девушку вроде этой. Муж подхватил супругу на руки, и они стали кружиться, а потом растянулись на сверкающем полу кухни, и Сара наклонилась вперед, надеясь увидеть что-то интересненькое, но они просто смотрели на свои

отражения в линолеуме; потом на столе появился артистично сервированный телеужин, а когда муж с энтузиазмом воскликнул, как она прекрасно готовит, домохозяйка улыбнулась Саре, вроде как заговорщицки, Сара улыбнулась и подмигнула в ответ и не сказала ему, что это был телеужин, и счастливая пара смотрела друг другу в глаза, поедая ужин, Сара была за них счастлива, потом пересчитала деньги и поняла, что ей придется жить без обедов несколько дней, но телевизор того стоил. Ей не впервые приходилось жертвовать едой в пользу телевизора; а потом сцена сменилась, к больнице подъехала машина, и обеспокоенная мать поспешила по стерильным и тихим больничным коридорам к seriously, как могила, доктору, рассказавшему о состоянии ее сына и что необходимо сделать, чтобы спасти мальчику жизнь, и Сара наклоняется ближе к экрану, внимательно смотрит и слушает, сочувствуя матери, и постепенно теряет терпение, доктор так подробно излагает причины возможной неудачи. Господи, это так ужасно... ужасно. Доктор наконец закончил излагать доводы за и против и теперь наблюдал, как несчастная мать мучается, принимая решение, давать согласие на операцию или нет, – Сара наклонилась еще ближе к телевизору, сцепив руки: соглашайся же... Да, непременно. Он хороший врач. Если бы вы видели, как он вчера прооперировал ту маленькую девочку. Он прекрасный хирург. Отличный парень. Наконец женщина кивнула, вытирая текущие по щекам слезы: хорошо, хорошо. Тебе надо поплакать, кукол-

ка. Он спасет твоего сына. Вот увидишь. Это я тебе говорю. Он прекрасный хирург. Сара смотрела, как лицо женщины становится все больше и больше, ее страх и напряжение были столь явными, что Сару пробрала дрожь. Когда кадр сменился и на экране появилась операционная, Сара посмотрела на часы и с облегчением вздохнула – до конца осталось всего несколько минут, и скоро счастливая мать будет улыбаться, глядя на своего сына, а доктор ей скажет: все позади – и он поправится; а в следующую минуту снова покажут больницу снаружи, только на этот раз мальчик будет идти рядом с матерью – нет, нет, она повезет его в инвалидном кресле к машине, и все будут счастливы, когда они поедут домой, а доктор будет смотреть им вслед из окна своего кабинета. Сара откинулась в кресле и улыбнулась, приятно расслабившись от уверенности, что все теперь будет хорошо. Иногда у них с Гарри бывают ссоры, но он хороший мальчик. Все будет хорошо. Скоро он встретит хорошую девушку, успокоится, и Сара станет бабушкой.

Солнце уже зашло, типа, наступил вечер, но Гарри и Тайрон мучились от света, который резал им глаза. Они спрятались за солнцезащитными очками. Хуже всего днем, когда светит солнце, и этот свет отражается от окон, машин, зданий, этот чертов свет давит на твои глаза, словно двумя большими пальцами, и ты ждешь одного – ночи, когда твои глаза смогут отдохнуть от дневной атаки и оживут при восходе

луны, однако ты никогда не получаешь полного облегчения, которого так ждешь. Ты начинаешь чувствовать, как дневная апатия начинает улетучиваться, когда работяги и голубые воротнички, отпахавшие с девяти до пяти, садятся за ужин с женами и детьми, и жены выглядят как и всегда: толстожопые, потрепанные овцы, швыряющие на тарелки то же самое дерьмо, что и всегда, а чертовы ублюдки верещат, как макаки, и спорят, чей кусок мяса больше, и у кого больше масла на хлебе, и что будет на десерт, а после ужина банка пива и вечер перед телевизором с порыгиванием, ковырянием в зубах, попердыванием и мыслями о том, что стоило бы пойти на улицу и снять какую-нибудь офигенную телочку, да вот только слишком устал, а потом их жены плюхаются рядом на диван и рассказывают то же самое дерьмо, что и всегда. Ничто не меняется. К тому времени, когда эта сцена проигрывается по всему Яблоку, улицы пустеют, но чертовы огни остаются. Да, фонари, это неприятность, но все же лучше, чем солнечный свет. Все, что угодно, лучше этого. Особенно в середине лета. Ты только что выдал целую тираду, друг мой. А я бы вот щас танцевал в темном углу какого-нибудь клуба под кайфовый грув с какой-нибудь клевой лисичкой, а то и дал бы ей потрогать своего большого дружка. Господи, старик, у тебя на уме одни дырки и ничего больше. Ради всего святого, ты вообще когда-нибудь пытался думать той частью, которая находится выше пупка? Блин! Что за херню ты несешь? Разве я должен ограничивать себя только пото-

му, что тебе укоротили твое еврейское хозяйство? Мой хер не просто шланг для ссання. Черт, дай пять. Гарри шлепнул по подставленным ладоням Тайрона, и Тайрон повторил его жест. Ну что, чувак, так и будем стоять здесь, считая проезжающие тачки, или займемся чем-нибудь интересным? Эй, че ты несешь? Ты же знаешь, я не считаю. Господи, мужик, да успокойся ты, а? Тебе не кажется, что они разбодяжили этот кайф веселящим газом? Да и хрен с ним, пойдем лучше туда, где есть хоть какая-нибудь жизнь. Че говоришь? Эй, малыш, у меня отходняк. Поехали-ка лучше через город к моргу? Эй, йе, ангелы сегодня на посту. В морге всегда что-нибудь происходит. Давай замутим это дело, детка.

Гарри Голдфарб и Тайрон Си Лав вскочили в автобус. Гарри хотел было сесть в передней части, на сиденье позади водителя, но Тайрон схватил его за руку и, выдернув из кресла, встряхнул его, глаза навывкате: ты в своем уме, чувак? Он тряс Гарри и дрожал сам, бросая быстрые взгляды по сторонам: ты хочешь, чтобы нас убили? Хочешь, чтобы нас линчевали, повесив на фонаре? Что, вообще колпак свернуло, что ли? Эй, братка, расслабься. Что на тебя нашло? Что на меня нашло – автобус притормозил у остановки, и Тайрон оттолкнул Гарри в глубь салона, глядя через плечо на входивших пассажиров, – что на меня нашло? Ты псих? Это же южный Бронкс, чувак, я имею в виду *южный*, ЮЖНЫЙ, врубаешься? Вот дерьмо. Давай-ка, чувак. Они пошли по проходу в конец автобуса, отскакивая, наклоняясь и спотыкаясь. Из-

вините, извините. Простите, не хотел... Остальные пассажиры автобуса продолжали читать газеты, разговаривать, смотреть в окна, читать рекламные объявления, сморкаться, протирать стекла очков и глядеть прямо перед собой в никуда, покуда они, шатаясь, брели по проходу. Когда они наконец дошли до задней части автобуса и сели, то оба с облегчением громко вздохнули. Хей, масса Гарри, как так получилось, что ты сидишь на заднем сиденье автобуса с черными? Что ж, я скажу тебе, брат Тайрон, это случилось потому, что все мы братья, и под этой белой кожей бьется такое же черное сердце, как и у тебя, хахахаха, дай пять, и они снова хлопнули друг друга по рукам. Чиеерт, мужик, да ты не белый на самом деле, ты просто бледный... и запомни, красота на поверхности, уродство глубоко внутри, снова хлопки по рукам. Гарри изобразил руками телескоп и стал рассматривать в него рекламу, расклеенную по всему автобусу. Ты че творишь, придурок? Это единственный способ рассматривания рекламы, чувак. Так тебя ничего не отвлекает от рассматривания телочек. Гарри понизил голос: не стесняйся, обхвати ее обеими руками. Блин, чувак, иди ты... Думаешь, я над тобой прикалываюсь, да? Давай же, попробуй сам. Это единственный способ, старик. Seriously. Ты ведь никогда не замечал все эти красивые рекламки на потолке автобусов, а их так много. Гарри оглядел рекламные наклейки, словно моряк горизонт. Эй, глянь вон на ту. Уверен, ты пропустил ее. Интересно, а она делает это или не делает? Только ее гине-

колог знает наверняка. Небось постоянно в ее штучку заглядывает. Ага, помаши ручкой, если у тебя нет этой штучки. Они растянулись на креслах и продолжали трепаться и шутить весь путь до морга.

Они вышли и некоторое время стояли на углу, пока автобус медленно отъезжал от остановки, обдав их парами дизеля. Ребята прикурили по сигарете, наслаждаясь вкусом первой затяжки, и, оглядевшись по сторонам, перешли на другую сторону улицы. Они зашагали вниз по слабо освещенной стороне, перепрыгнули низкое ограждение, оказавшись на дорожке, ведущей к тоннелю, затем быстро через тоннель и направо, к маленькому узкому проходу, и уже звонят в звонок с пассажиром из Пятой симфонии Бетховена: ДА ДА ДА ДААААА. В старом сериале «Шпион Смэшер» каждая серия открывалась темой из Пятой, и одновременно на экране появлялась буква V, а под ней ее эквивалент в азбуке Морзе, точка точка точка тире. Ангел любил этот сериал. Он думал, что действительно круто победить в войне с помощью Бетховена. Это был его секретный сигнал для всяких случаев. Некоторое время Ангел рассматривал их в глазок, потом слегка приоткрыл дверь. Побystрее, пока сюда не попал свежий воздух. Они проскользнули внутрь, и Ангел закрыл за ними дверь. Горячий, душный летний воздух остался за дверью, и внезапно стало прохладно, даже очень. Они прошли мимо оборудования, вверх по стальной лестнице, ведущей в офис. Воздух был густым от дыма, экзотично извивавшегося

в голубом свете, который красиво завихрился, когда открылась и закрылась входная дверь. Томми, Фред и Люси сидели на полу и слушали музыку из радиоприемника, стоявшего на столе. Что ты говоришь, парень? Хей, малышка, что происходит? Как дела, сладкая? Эй, брат мой, как поживаешь? Все классно, Гарри. Что тут у нас, детка? Ништяк, бейби. Гарри и Тайрон сели на пол и, привалившись спиной к стене, покачивались в такт музыке. Какие дела сегодня, Ангел?

Да у нас тут постоянно какие-нибудь дела, друг. Это место оживает, когда здесь появляется Ангел, а? Вы как? Есть че? Пока нет. Скоро все будет. Годжит уже едет сюда. Эй, офигенно. У него всегда хороший перец. Звонок из «Смэшера» поднял Ангела на ноги, и он вышел из офиса. Через минуту он вернулся с Мэрион и Бетти. Хей, что творится, красавчик? У меня все круто, малышка, как сама? Что говоришь? Знаешь, все зашибись, как всегда. Они присоединились к остальным на полу, Мэрион села рядом с Гарри. Тайрон посмотрел на Фреда. Классно выглядишь, дружище. Ты же меня знаешь. Сила и здоровье. И чем ты занимаешься, меняешь бальзамы? Чиеерт, старик, у них там в гробах некоторые трупы выглядят получше, чем ты. Ооооо, это серьезное дерьмо, мужик. Этот чувак заходит в ту комнату и пугает жмуров. Э, старик, это должность у него такая. Не давай ему обоссать тебя, открой рот. Знаешь что, детка, ты просто дегенерат. Хихиканье перешло в смех, и смех становился все громче и громче. Эй, чувачок, кто тебя отпустил

гулять без поводка? Ооооо, ну это – ТОЧКА ТОЧКА ТОЧКА ТИРЕ. Ангел крутанулся на месте и выскочил из комнаты, где сразу воцарилась никем не прерываемая тишина, так как каждый чувствовал присутствие Годжита и ждал его появления в дверях, как чертика из табакерки. Да вот он. Эй, дружище, как жизнь? Здорово, детка. Поздоровайся со мной, братуха – *илеп*.

Ты в порядке, малыш? Чиеерт, в порядке ли я? Какого хера, ты думаешь, я здесь торчу, глядя на все это? Ага, место какое-то *мертвое*, хе-хе. У меня с собой не героин, а *бомба*, старик. Я серьезно, это ди-на-мит, прямо от айтальянцефф. Все полезли за деньгами, Годжит выложил героин на стол и собрал бабло. Поехали. Все вышли из офиса и разбрелись по слабоосвещенной холодильной комнате, доставая из щелей, трещин, из-под половиц, медицинских приборов и кирпичей свои шприцы, пузырьки с водой и ложки. Не важно, сколько других наборов для инъекций наркоты пряталось по всему городу, но каждый из них обязательно имел еще один, спрятанный в Окружном морге Бронкса. Они вернулись в офис, наполнили бумажные стаканчики водой, и каждый застолбил по маленькому кусочку пространства на полу. Радио все еще играло, но напряжение в офисе было столь сильным, что никто не обращал на музыку никакого внимания, сконцентрировавшись только на своих ложках, куда аккуратно сыпались порции героина, добавлялась вода, которая кипятилась, пока героин не растворялся полностью, затем через ват-

ный фильтр жидкость выбиралась в шприц. Каждый знал, что он в комнате не один, но не обращал никакого внимания на происходившее вокруг. Найдя подходящую вену, они втыкали иглу и наблюдали, как первые капли крови, пульсируя, смешиваются с раствором, — их глаза были прикованы к этому зрелищу, все их ощущения были настроены только на получение кайфа, желудки выворачивало от нетерпения. Потом они нажимали на поршни своих шприцев, вводя героин в кровь, и ждали первой волны прихода, затем снова наполняли шприц кровью и прокачивали его, чтобы не потерялось ни капли раствора, потомплыли по медленному течению прихода, чувствуя, как тело испаряет влагу, и, промыв шприцы, ставили их в стаканы с водой, прислонялись спиной к стене, закуривали, их движения замедлялись, глаза прикрыты, а внутри все так тихо и спокойно; воздух ласкает, жизнь свободна от всяких забот; их разговоры еще медленнее, тише. Гарри сунул палец в нос. Эй, брат, дерьмо-то просто убойное. Годжит, братишка, ты классный чел. Ты чертовски прав, я очень классный. Ты видел все остальное, а теперь ты видишь самое классное. Смешки и хохотки были низкими и ленивыми, и — о, такими крутыми. Эй, чувак, достань мне победителя. Палец правой руки все так же был похоронен в носу по вторую фалангу, брови сошлись на переносице в глубокой концентрации, все его существо было вовлечено в чувственное удовольствие, почти оргазмическое удовлетворение от поиска твердой субстанции, которую

нужно подцепить за подсохшие края, затем аккуратно вытащить наружу из темных глубин ноздри к ласковому голубому свету для того, чтобы потом можно было с наслаждением раскатать ее между пальцев. Звук его голоса ласкал слух, отражая его внутреннюю умиротворенность и удовлетворение. Все классно, парень. Разных людей по-разному гладят, да, чувак? Мэрион поцеловала Гарри в щеку, мне кажется, ты очень красивый, Гарри. Мне нравится смотреть на парня, который доставляет себе удовольствие. В смехе слышалось легкое напряжение, однако он был хриплым и, ооооо, таким медленным. Блин, че б вам всем не отвалить и не оставить парня в покое. Пусть делает что хочет. Пусть кайфует. Это же сколько терпения надо, чтобы по козявкам прикалываться. Ага, каждый раз, когда ему нужно потерять фунтов десять, ему всего лишь надо поковырять в носу. Надо моей сестре сказать. Она как два меня. Она каждый раз напрягается, когда меня видит. Так подсадил бы ее на гердос, и от ее жирной жопы в момент ничего не останется. Эй, чувак, а может, ты себя пальцем трахаешь? Эй, Гарри, одолжить тебе пальчик? Блин, а почему бы вам всем не оставить его задницу в покое, нах? Чиеерт, это так же хорошо, как в киске ковыряться, да, Гарри? Давай, детка, давай!!!

Гарри ухмыльнулся в ответ на насмешки и прервался, чтобы затануться сигаретой, потом почесал кончик носа тыльной стороной ладони. Вас всех надо в тюрьму посадить за ущемление религиозных свобод. Бетти шутливо перекрести-

ла его: во имя отца и сына и святой сопли. Гарри присоединился к общему веселью, а Ангел прибавил звук у радио, покачивал головой и прищелкивал пальцами. Эй, Ангел, есть там у тебя интересные клиенты? Нее, они все там отмороженные, хар, хар, хар. Голова Ангела качалась вверх-вниз, когда он смеялся, одновременно пытаясь что-то говорить, и его слова смешивались со смехом, они все – куча жмуриков. Блин, да я уверен, что они выглядят лучше, чем ты, малыш. Не говори так. Мне кажется, Ангел симпатичный. Ага, ха ха ха, как Граф Дракула. Я предлагаю фас добро пошалофать. Выпит фаш крофф, пока она не стала свернутса комки. Люси захихикала, тряся головой, а если бы этот чувак попал сюда, хехехехе, то он был бы голодный, как твою мать. Не ссать. Если он укусит Годжита, то передоз ему гарантирован. Забавное зрелище – вампир на кумарах. Гарри приобнял Мэрион и притянул к себе: спокойно, детка, или я укушу тебя за горло, – и начал покусывать ее шею. Она хихикала и отбивалась, и вскоре оба устали и просто прислонились к стене, широко улыбаясь. Кроме шуток, Ангел, у тебя бывает что-нибудь особенное, молодые да хорошенькие жмурики? Чиеерт, да этот мудило настоящий упырь, чуваки. Все хихикали и почесывались. Все нормально, брат, я понимаю. Некоторые любят погорячее, а некоторые – похолоднее. Хей, Годжит, чего это ты подсыпал в дозняк Фреда? Мэрион смеялась и давилась дымом, эй, Фред, иди-ка ты на другую сторону комнаты. Мне будет намного спокойнее. Они все смеялись

и хихикали и почесывали носы, прикалывались над Фредом и затягивались сигаретами. Дым стал страшно густым, и из-за голубого света казалось, будто офис морга каким-то образом превратился в кусочек неба. Да мне наплевать, что там в дерьмо намешали, я хочу понять, что он задумал? Для начала он должен найти. Вчера здесь была настоящая куколка, чувак. Просто обалденная. Класс. Рыженькая. Настоящая рыжая, и сложена как кирпичный сортир. У нее была пара вооот такенных буферов и задница просто бесконечная. Фред говорил и жестикулировал настолько быстро, насколько ему позволял наркотик, да ладно гнать-то. И сколько ей было лет? Эй, откуда я знаю. Может, девятнадцать-двадцать. Вот бя, ну разве это не пипец, а? Этот мудило беспокоится о ее возрасте. Он типа правильный, не хочет, чтоб его сцапали с малолеткой. Верно, Фред? Все ухмылялись так широко, что чуть губы не лопались, и похохатывали, качая головами. И где же она? Может, Фред не прочь встретиться с этим мяском? МЯСО? Бетти качала головой и посмеивалась: знаете, ребята, вы просто больные. Эй, не выбрасывай это. Это экологически неправильно. Нужно все отдавать в переработку, чувак. Смех становится еще громче. Бля, вы, беложопые мудаки, просто ненормальные, серьезно. Вы говорите, как куча долбанных каннибалов. Эй, мужик, че шумишь? Я просто задал дружеский вопрос. Очередной взрыв смеха. Отчего она умерла-то? Да кто вообще сказал, что она мертва? Она была посетительницей, хар, хар, хар. Отлично, да? Заставил я вас

поржать, да? Знаешь что, чувак, тебе здесь самое место, потому что твоя башка давно того, детка, я серьезно так считаю. Чья-то рука дотянулась до радио и сделала звук громче, и музыка пробила себе путь через голубой дым и смех. Эй, это мой чувак щас поет. Все покачивали головами в такт песне. Да, скажи им, малышка, нам всем нужно на кого-то опереться. О, обопрись на меня, крошка, *обопрись на меня!* Вы врубаетесь, этот черт говорит о ее грудях, всегда открытых? Что это еще за хрень, она закрыла свои ноги? Эй, Ангел, успокойся, ладно? Глаза у каждого были прикрыты от дыма и кайфа, а их лица кривлялись и ухмылялись, когда они пытались понять смысл слов. Эй, малышка, у тебя не найдется на парковке местечка для меня? Фред ухмыльнулся и пощелкал языком, а Люси продолжала смотреть на струйку дыма, танцующую на кончике ее сигареты, пытаясь определить разницу в оттенках дыма, исходящего из разных концов сигареты, горящего и фильтра. Дай мне немного кокаина и капельку сочувствия и открой мне свою красоту. Снова смех. Оооооо, это та еще сучка, чувак. Внезапно все замолчали после строчки *мечтай, мечтай*, каждый по-своему думал о том, что мечтать самому не обязательно, с этой работой прекрасно справляется распрекрасного качества героин...

Затем они снова развеселились, слушая песню дальше, и веселились и глумились от души, да, теперь ты верно говоришь, чувак, мне нужен кто-то, чтобы продолжать и кончать. Ееее, сделай это со мной, детка, ах хааааа. Люси искоса по-

смотрела на Фреда, не смотри на меня, малыш, лучше беги к своей мамочке. Все дружно рассмеялись. Оооооо, она та еще штучка. Фред хохотнул так громко, как мог, но все равно не слышал себя. Он попытался посмотреть на Люси, но не смог поднять голову, экономя энергию для затяжки сигаретой. Песня продолжалась, и они слушали, внимая каждому слову, прокручивая его в голове. Гарри сунул в рот новую сигарету и потянулся за сигаретой Тайрона, чтобы прикурить от нее, однако Тайрон отвернулся и бросил ему коробок спичек. Гарри посмотрел на них, затем медленно поднял их и углубился в процесс вытаскивания спички из коробка, поджигания ее, поднимания ее на нужную высоту и опускания головы, насколько необходимо, а затем в процесс самого прикуривания. Оу, йее, возьми все, киса, только не трахай мне мозг. Ох, какая приятная ком-па-ния. Эй, братан, спойка снова. Зачем? Чьей это ты кровушки захотел? Да мне на-срать, бя, лишь бы это была не моя кровь. Братан, единственное место, где я хочу видеть свою кровь, это мой баян, когда я беру контроль, как раз перед тем, как загнать дерьмо назад в вену. Черт, у тебя в голове одна извилина, чувак. Ага, и еще несколько на обеих руках. Смешки и хохотки становились все громче, превращаясь в смех, когда они кивали в такт музыке, периодически затягиваясь сигаретой, глядя на скучный серый бетонный пол, на котором они сидели, не замечая его, поглощенные только своими ощущениями, и чувствовали себя просто прекрасно. Последние ноты все еще

звучали у них в головах, когда началась следующая песня. Эй, врубаешься, чего они играют? Черт, я не слышал этого с тех пор, как начал вмазываться. Господи, таких старых пластинок просто не бывает, перец. Мэрион уютно прислонилась к плечу Гарри, ее глаза и лицо освещала улыбка. Помнишь, как мы тогда того кота? Ага... В голосе было столько ностальгии, что можно было почти видеть, как воспоминания дрейфуют в голубом дыму, воспоминания не только о музыке, радости и юности, но, возможно, и о мечтах. Они слушали музыку, и каждый слышал что-то свое. Они чувствовали себя расслабленно и были частью музыки, частью друг друга, почти частью мира. И так еще одна ночь-карусель в Окружном морге Бронкса медленно уплывала навстречу новому дню.

Телефон зазвонил во второй раз, и Сара Голдфарб подавалась к нему, не прекращая настраивать антенну телевизора, разрываясь между желанием узнать, кто звонит, и необходимостью избавиться от полос, время от времени искажающих картинку на экране, она снова вздохнула, собрала силы и, покосившись на телефон, звонивший снова и снова, стала наклоняться к нему, протянув одну руку к трубке, а кончиками пальцев другой продолжая потихоньку поворачивать антенну. Да иду я, иду. Не вешайте трубку, она устремилась к телефону, едва не упав на середине шестого звонка, и плюхнулась в кресло. Алло? Миссис Голдфарб? Да, это я. Голос был

таким радостным, таким доброжелательным и полным энтузиазма, таким настоящим, что она повернулась к телевизору, решив, что голос исходит оттуда. Миссис Голдфарб, вас беспокоит Лайл Рассел из «Макдик Корпорейшн». Миссис Голдфарб, не желали бы вы поучаствовать в одной из наших самых интересных, самых позитивных программ? Оооо, я? На телевидении? Она переводила взгляд с телевизора на телефон и обратно, пытаясь смотреть на оба предмета одновременно. Хаха, я так и думал, что вы согласитесь, миссис Голдфарб. Могу с уверенностью сказать, судя по теплоте в вашем голосе, что вы именно тот человек, который нам нужен для программы. Сара Голдфарб покраснела и моргнула: я никогда не думала, что когда-нибудь попаду на телевидение. Я просто... – Хаха, я понимаю ваши чувства, миссис Голдфарб. Поверьте, я, как и вы, счастлив, что стал частью этого фантастического мира. Я считаю себя очень счастливым человеком, потому что у меня ежедневно есть возможность помогать людям вроде вас, миссис Голдфарб, быть частью программинга, которым гордимся не только мы, но и вся телеиндустрия – нет, вся нация. Мать Гарри мяла воротничок блузки, чувствуя, как из груди выскакивает сердце, ее глаза блестели от возбуждения. О, я и мечтать не могла... Голос Лайла Рассела стал серьезным. Очень серьезным. Миссис Голдфарб, вы знаете, о какой программе идет речь? Знаете? Нет... Я... смотрю «Аякс» и не уверена... На телевидении??? Миссис Голдфарб, вы сейчас сидите? Если нет,

сядьте немедленно, потому что, когда я скажу вам, о какой программе идет речь, у вас от радости закружится голова. Я села, уже села. Миссис Голдфарб, я говорю не о чем другом, как о... Он внезапно замолчал, и Сара еще сильнее вцепилась в воротничок своей блузки, широко раскрытыми глазами глядя на телефон и телевизор, не уверенная, откуда именно теперь пойдет голос. Когда он снова заговорил, его голос был глубоким, низким и чувственным: миссис Голдфарб, мы представляем телевикторины. Оооооо... Он выдержал драматическую паузу, пока Сара Голдфарб пыталась овладеть собой, ее дыхание перекрывало голоса из телевизора. Голос Лайла Рассела стал театрально неотразимым: да, миссис Голдфарб, плюс кое-что еще, кое-что новенькое, шоу, которые будут в следующем сезоне; шоу, на которых захотят побывать миллионы американцев; те самые шоу, которые с нетерпением ждут миллионы. — Я... я... на теле... О, я не могу... Да, миссис Голдфарб, именно вы. Я понимаю ваши чувства, вы думаете: почему именно я, в то время как многие миллионы зрителей отдали бы все, только бы попасть на эти шоу. — О, я даже не могу пред... Что ж, миссис Голдфарб, я могу сказать, почему вам так повезло. Наверное, у Бога в сердце есть для вас особенное местечко. Сара Голдфарб упала в свое кресло, сжимая в одной руке телефонную трубку, а другой по-прежнему сжимая воротничок. Ее глаза навывкате. Ее рот открыт. Впервые на своей памяти она не осознавала присутствие телевизора. Всю необходимую информацию вы

получите по почте, миссис Голдфарб. До свидания... И благослови вас Господь. Пип.

Ангельские лики плыли перед матерью Гарри, звучали псалмы, так успокаивающе... Гудки телефонной трубки в ее руке и взорвавшаяся на экране бутылка очистителя, превратившаяся в маленький торнадо, привели ее в чувство. Она вдохнула. Потом выдохнула. Телефон. Да. Телефонную трубку нужно повесить на место. Ахааааа. Брямс. Она промахнулась. С минуту она смотрела на телефон, затем опять сняла и правильно положила трубку. На телевидении. Боже мой, телевидение. Ой, что же мне надеть??? Что я должна буду надеть? Я должна буду появиться там в красивом платье. Наверное, пояс не подойдет, слишком жарко. Сара посмотрела на себя, потом в ужасе закатила глаза. Может, мне и придется попотеть, но пояс нужен обязательно. Может, мне сесть на диету? Я перестану есть. Я потеряю тридцать фунтов до того, как окажусь на ТВ. Тогда с поясом я буду выглядеть как Спринг Бойингтон... немного... вроде как... Прическа! Я попрошу Аду сделать мне прическу. А может, они мне ее сами сделают. Специально. О... надо было спросить... спросить кого? Как там его звали? Я вспомню, я вспомню. Само вспомнится. Он сказал, что все пришлют по почте. Я отлично выгляжу в красном платье с... Нет! Красный не очень хорошо смотрится в телевизоре. Как-то неправильно, размыто. Туфли и сумочка и серьги и ожерелье и шелковый платочек. ОООО! Сара кивала головой, хваталась за виски, вращала

глазами, жестикулировала, хлопала в ладоши, потом внезапно останавливалась, садилась на минуту в кресло – надо посмотреть в шкафу. Вот что я сделаю. Шкаф. Она утвердительно кивнула головой, вскочила из кресла и направилась в спальню, где начала перерывать содержимое шкафов, снимая платья с вешалок, примеряя их на себя, затем швыряя их на кровать; она ползала на коленях и локтях, исследуя самые отдаленные и темные уголки шкафов, находя давно забытые туфли и напевая что-то себе под нос, вытирала их от пыли, примеряла пару за парой, неуверенно покачиваясь в некоторых, так как ее распухшие ноги не влезали в модельную обувь. Потом позировала перед зеркалом, глядя на свои ноги в синих прожилках вен, обутые в золотые туфли. О, как же она любила свои золотые туфли! В конце концов она сдалась. Она надела красное платье. Я знаю, красное платье будет не очень хорошо смотреться в телевизоре, но мне нравится это платье... Я люблю красный. Она красовалась, глядя в зеркало через одно плечо... через другое плечо, поднимая и опуская подол, потом попыталась застегнуть молнию, но после десятиминутных усилий, пыhtений, сжиманий она сдалась и осталась стоять перед зеркалом в расстегнутом платье: ей нравилось отражение, ведь она смотрела на себя из далекого-далекого прошлого, видя себя в прекрасном-красном платье и золотых туфлях, которые она надевала на бар-мицву Гарри... Сеймур тогда еще был жив... И даже не болен... А ее мальчик выглядел так мило в этих... Ах, все ушло. Ничего

больше нет. Сеймур мертв, и ее – ах, я покажу Аде, как это выглядит. Она крепко придерживала незастегнутую спинку платья и, дождавшись рекламной паузы, пошла к своей подруге Аде, которая жила по соседству. И где же праздник? Вечер-вечерок. Это как все праздники, вместе взятые. Когда я тебе расскажу, ты из окна выпрыгнешь. Надеюсь, из окна подвала. Они сели в гостиной, стратегически разместившись так, что каждая могла видеть и слышать телевизор во время обсуждения случившегося События, которое привело Сару Голдфарб сюда в красивом красном платье и золотых туфлях, их она надела в день, когда у ее Гарри, ее мальчика, была бар-мицва... события столь важного, что Сара не могла о таком даже мечтать, которое привело ее в состояние такого шока, что она даже отказалась от халвы. Сара рассказала Аде о телефонном звонке и о приглашении на телевидение. Ее, Сару Голдфарб, покажут по телевизору. На мгновение Ада застыла (одним ухом уловив конец сцены сериала). Правда? Ты не шутишь? Да с какой стати мне над тобой шутить? Думаешь, я так оделась для супермаркета? Ада продолжала смотреть на нее (по музыке она поняла, что сцена закончилась. Инстинктивно она приготовилась, что сейчас будет реклама, даже до того, как звук телевизора стал громче, а изображение – ярче.) Хочешь чаю? Она встала и пошла на кухню. Сара последовала за ней. Вода быстро закипела. Налив себе по стакану чая, они вернулись в гостиную как раз к концу рекламы, и снова расположились на своих страте-

гических позициях, глазами и ушами внимая происходящему на экране телевизора и одновременно обсуждая огромную важность грядущего события в жизни Сары Голдфарб – события столь поразительного масштаба и важности, что оно наполнило ее новой волей к жизни и стало воплощением мечты, что освещала ее дни и утешала одинокими ночами.

Гарри и Тайрон Си шли через парк, тратя большую часть сил на то, чтобы уворачиваться от детей, с воплями носившихся вокруг или пролетающих на скейтах, или, там, скейт-бордах, и ведь никогда не знаешь, с какой стороны будет атака. Чиеерт, не понимаю, зачем им дают летние каникулы, этих маленьких ублюдков надо бы держать в школе постоянно. Ты охренел? Да они всю школу к чертям разнесут. А так экономят деньги налогоплательщиков. Ну не блядство ли, этот мудило ни разу в жизни не работал, и еще беспокоится о налогоплательщиках. Эй, чувак, ты должен беспокоиться о таких вещах. Да что с тобой, разве ты не ответственный чел? Оооооо, только послушайте это дерьмо, парнишка потерял всю крутизну. Пойдем, детка, тебе надо срочно чего-нибудь съесть, у тебя, по ходу, серьезные проблемы. Они направились к тележке с хот-догами, купили парочку с огурцами, горчицей и красным перцем и бутылку содовой. Закончив, они отошли подальше от детской площадки и растянулись на траве. Знаешь что, брат, я не гнал насчет того, чтобы взять чистого. О, детка, я с тобой. Тогда давай пре-

кратим заниматься херней и сделаем это. Бля, сделаем что? У нас нет бабла.

Да неужели? Может, поищешь у себя в заднице? Ладно, хватит козла трахать, давай лучше придумаем, где можно вырубить денег. А сколько нам нужно? Точно не знаю. Пару сотен. Лучше идти в дело с четырьмя сотнями в кармане, тогда уж точно будешь знать, что возьмешь достаточно при любом раскладе. А ты уверен, что Броуди достанет нам пакет? Старик, ты че, а? Конечно, я уверен. Даже после того, как он отвалит себе, нам останется достаточно, чтобы разбодяжить пополам, удвоить деньги, и еще останется немало для нас. Я крут. У него наверняка убойное дерьмо. Только я не хочу подсаживаться, брат. Не хотелось бы завалить все дело из-за кумаров. Прямо верняк сказал. Будешь держать себя в руках, и целая армия торчков будет толкать дерьмо для нас. Да, это единственно верный путь, чувак. Я видел ребят, которые сторчались и завалили весь бизнес, а закончили они в тюряге. Чиеерт, мы слишком умны для этого, детка. Ага, они хлопнули друг друга по рукам. Ну а где мы найдем бабки? Не знаю, детка, но я не хочу никого грабить. Я в тюрьме никогда не был и собираюсь продолжать в том же духе. Спокойно, чувак. Я что, по-твоему, бандюга? Старухин телевизор это одно, но грабеж – совсем другое дело. Мы можем продавать хот-доги. Ага, точно, и кто будет толкать тележку? Не надо на меня смотреть, я продавец. Ха ха ха, ну и видок у нас будет... Господи, я прямо вижу, как ты открываешь крышку, я

достаю сосиску и мы кидаем монетку, чтобы выяснить, кто будет класть горчицу. Ну, по крайней мере, мы не умрем от голода. Об этом я не беспокоюсь. Давай, Тай, думай. Должен ведь быть способ быстро найти пару сотен. Они покурили, почесались, потом Тайрон щелчком отшвырнул окурочек и потер голову, вроде как погладил ее, чтобы активировать серое вещество... а заодно и почесался. Знаешь, есть пара чуваков, которые ходят в газету где-то в четыре-пять утра, они там грузовики загружают. И сколько они получают? Не знаю, но они всегда хорошо одеваются и ездят на хороших тачках. Серьезно? Гарри с минуту смотрел на Тайрона. Хммммммм. И что ты думаешь? Тайрон все еще чесал голову, но теперь уже не так интенсивно, вроде как поглаживал. Честно говоря, старик, я не больше тебя люблю работать. Да уж... Пять утра. Господи. Мне казалось, даже бармены в такое время спят... но... Гарри продолжал смотреть на Тайрона, а Тайрон Си Лав продолжал чесаться. Что думаешь? Не знаю, детка... Но, наверное, мы типа могли бы сходить и посмотреть, как там все устроено. Гарри пожал плечами: черт, а чего бы и не сходить? Тайрон перестал чесаться, и они, ударив по рукам, встали и пошли по траве к дорожке, по которой вышли через парк на улицу. Гарри решил пойти домой, чтобы утром не опоздать на новую работу. Если я скажу своей старушке, что у меня появилась работа, она уж наверняка меня вовремя поднимет. Наверное, нам надо встать часам к четырем утра, а? Чтоб наверняка прийти туда вовремя... четы-

ре утра, это кажется невероятным. Тогда, малыш, подумай о пакете чистого белого, это точно прошибет твою задницу. А ты потом зайдешь ко мне и разбудишь. Можешь свою сладкую жопку на это поставить. Уж если я встаю в такую рань, то тебя я точно подниму. Они расхохотались и хлопнули по рукам, и Гарри уже собирался повернуть, чтобы пойти домой и подготовиться к новой бодряге, которая поможет им стать большими боссами, когда внезапно они заметили своего приятеля, бегущего куда-то по улице. Эй, что происходит, чувак? Будто за тобой погоня. Куда спешишь? Знаете Маленького Джоуи, ну, того кота с порезанным ухом? Да, конечно. Чувак с авеню. Точно, это он. Так вот, он и Тайни с еще одним котом только что затарились у Уинди, и не успел Джоуи догнать раствор до конца, он был уже готов, в натуре. Передоз, вот так вот просто. Говорят, он всего ничего поставил и отъехал. Тогда Тайни решил поставить в три раза меньше, так, для тяги, и убился просто в слюни. Серьезно? А ты чистый? Ты чертовски догадлив. Зачем, ты думаешь, я гоню свою задницу к Уинди? Хочу добраться до него, пока он не сообразил, что за бомба у него на руках. Этот мудила на игле так давно, что его уже и ослиная моча не вставит. Гарри и Тайрон присоединились к гонке до Уинди. Пойти работать они могли в любой другой раз, а вот шанс замутить ядерного перца вроде этого выпадает нечасто.

Даже следующей ночью у них еще оставалось, настолько хорошим был героин. Старик, кто-то точно облажался. Этот

перец стоило разбодяжить раз шесть. Чиеерт, лучше б такого товарцу было поменьше, а то слишком много будет трупов в этом городишке, старый. Да ладно, подумаешь, парочка трупов на весь город. Чиеерт, барыга, наверное, с ума сходит, пытаюсь понять, что за движения такие начались.

Они совсем развязли и решили, что нет никакого смысла даже думать о том, чтобы пойти с утра на работу, потому что до утра оставалось всего ничего. Не было смысла ломать такой кайф работой. Они решили заскочить к Тони домой, посмотреть, что происходит.

Улицы были полны звуков летней ночи. На скамейках и пожарных лестницах сидели люди, разыгрывались сотни партий в карты и домино, игроков окружали зеваки, по кругу ходили банки с пивом и бутылки с вином. Время от времени вблизи игроков проносились дети, и игроки на автомате покрикивали на них, не отрывая глаз от экрана и не пропуская своей очереди выпить. Приятный был вечер. С неба светили звезды, и можно было издали заметить кучи мусора и собачье дерьмо на тротуарах. Воистину прекрасная была ночь.

Тони жил на переделанном под квартиру чердаке, в старом индустриальном здании. Вообще-то под словом «переделанный» подразумевались кровать в одном конце помещения и плита с холодильником в другом. Между ними было обширное пространство. Обычно это пространство было забито людьми либо кайфующими, либо догоняющимися, либо готовившимися забалдеть. Когда Гарри и Тайрон пришли

туда, на полу сидело несколько человек. Тони сидел в единственном кресле, огромном, пухлом, порванном и расцарапанном, с большими подлокотниками в виде крыльев, словно кресло вот-вот сомкнет свои объятия, проглотит его и переварит, чтобы закончил он дни свои в темном и пыльном углу магазинчика подержанной мебели, с табличкой «Не продается» на груди, играя в гляделки с хозяйским котом. Он смотрел телевизор, который был хорошим компаньоном креслу, такой же огромный и старый, отлично вписывающийся в чердачную обстановку. На шее у Тони висела китайская водяная трубка, бонг, чашечка которой была наполнена хэшем, и время от времени он делал затяжку-другую, не отрывая взгляда от телевизора. Несколько человек расселись вокруг кальяна, наполненного вином, чашечка также была наполнена травой, а сверху лежал кусок гашиша. Мэрион как раз сделала затяжку, когда вошли Гарри и Тайрон. Они присоединились к остальным. Как дела? Что происходит? Эй, малышка, че нового? Как поживаешь, братан? Все по-старому, чувак. Шланг кальяна оказался в руках у Гарри. Он с минуту посасывал его, потом передал Тайрону. Наконец Гарри выдохнул, слегка откинулся назад и посмотрел на Мэрион. Как дела? О, да все то же самое. Гарри кивнул в сторону кальяна: неплохой хэш. Угу. Хорошо вставляет. Очень меня успокаивает. Глаза Гарри были почти закрыты, на расслабленном лице блуждала улыбка. Я так и понял. Выглядишь ты клево. На лице Мэрион появилась ухмылка, и она хохотну-

ла: это типа комплимент или ты так со всеми? Гарри раскинул руки и пожал плечами, на его лице все та же сонная ухмылка. Иногда я не такой учтивый, особенно когда пьяный. Мэрион хихикнула чуть громче: может, и так, но зато ты более общительный. Знаешь, у тебя очень милая улыбка, особенно когда ты расслабленный, как сейчас. Гарри засмеялся и наклонился к ней поближе, у меня нет выбора, малышка, я такой расслабленный, что сейчас растаю. Мэрион рассмеялась и сжала его руку, потом взяла мундштук кальяна и сделала еще затяжку, прежде чем передать его Гарри. Он засмеялся. Это именно то, что мне надо позарез... Вроде как помогает снять напряжение, понимаешь? Мэрион покачала головой, стараясь удержать смех, рвущийся наружу вместе с дымом. Тайрон сунул шланг кальяна под нос Гарри: давай, чувак, потом трепаться будешь о всякой ерунде. Сделай напасик и продолжай в том же духе. Гарри, сконцентрировавшись, затянулся и передал шланг Фреду. Тайрон смотрел на то, как Фред, присосавшись к шлангу, делал затяжку, которая, казалось, длилась минут пять, отчего кусочек гашиша раскалился добела. Блин, этот мудвин собирается высосать гашик прямо через шланг. Надо проверить, нет ли у него в башке еще какой дырки, воздух должен же выходить наружу. Наконец Фред оторвался от шланга и передал его Тайрону, на его лице гуляла широкая, глупая улыбка, он хрюкнул, пытаясь удержать дым в легких, – не жадничай, детка. Тайрон расхохотался, зажав шланг в обеих руках, остальные присут-

ствующие захихикали. Тайрон посмотрел в пол, покачал головой, потом снова поднял взгляд на Фреда, у которого на лице была все та же говноедская улыбка. Смех его становился все сильнее и сильнее, тут уже и остальные не выдержали и начали хохотать, тряся головой, и все взгляды неизбежно останавливались на лице Фреда, сидевшего с глупейшей улыбкой, которая становилась все более идиотской, – теперь, как бы они ни старались, остановить этот смех было нереально. Фред же так и продолжал удерживать дым в легких, хотя сам едва не задыхался. Его лицо покраснело, глаза вылезали из орбит, а Тайрон тыкал в него пальцем и, трясясь от смеха, пытался выдавить: Чиее... Чиее... – и в конце концов Фред все же выдохнул дым, но тут же быстренько сделал еще напас и закивал головой: чхорт; остальные уже никак не могли подавлять смех, а Тони курнул из своей трубки и набычился на телевизор, потому что программа была прервана рекламой, потом еще одной рекламой, потом неполадками на станции и снова рекламой. Тони сделал еще одну затяжку, заерзал в своем кресле и забормотал под нос что-то про дерьмо собаچه. Ему хотелось смотреть сериал, нах, а не сраную собаку, жрущую конину, и он начал орать на телевизор, давай, псина херова, засунь свой нос ей в жопу. Что, тебе рыба не нравится, что ли? Э-э? Рыба ему, видите ли, не нравится, пидору, сучий ты потрох. Смех постепенно утих. На время все притормозили с гашишем и просто сидели, устроившись поудобнее, слушали музыку и болтали, а потом краем глаза стали

наблюдать за Тони, слушать его реплики, и снова послышались смешки. Эй, детка, не стоит так говорить о пидорах в присутствии Гарри, это может ранить его чувства. Фред так и сидел с улыбкой деревенского дурачка: а откуда вы знаете, что он пидор, может, он лесбиян, — и он едва не задохнулся от хохота, — черт, я щас обосрусь, хахахахахаха, лесбийон-потаскун, хахахахахаха, дерьмище-то какое, хахахахахаха; Тони все еще нудил что-то нечленораздельное, а остальные катались по полу от смеха, глядя на хохочущего и трясущего головой Фреда, и каждый раз, когда его смех начинал затихать, он снова начинал трепаться о лесбиянах с членом, и все снова покатывались. Тони встал, его трубка болталась на шее, и направился к шкафу, взял что-то из ящика и снова плюхнулся в свое кресло, где снова почти исчез из виду за чумовыми крыльями. Положив новую плюшку гашиша в трубку, он поджег его, сделал пару долгих затяжек и снова молча уставился в телевизор, где наконец снова пошел сериал. Фред уже не мог смеяться, хотя все еще ухмылялся и тряс головой, остальные же старались не смотреть в его сторону, потому что у всех от смеха болели животы. Гарри и Мэрион отделились от остальных и, развалившись на старых подушках, вполуха слушали музыку, обратив все внимание друг на друга. Ты одна живешь или с подружкой? Одна. Ты же знаешь. Гарри пожал плечами: откуда мне знать-то? Когда я был у тебя в последний раз, я помню, ты жила с соседкой, правильно? Господи, это ж несколько месяцев назад было. Ого,

так давно? Темпус действительно фугитс, да? Ага. Иногда, кажется, оно застывает на месте. Словно ты сидишь в мешке и не можешь вылезти, и кто-то постоянно твердит тебе, что со временем все станет лучше, а время словно застыло и смеется над тобой и твоей болью... А потом внезапно оно сдвигается с места, и ты вдруг видишь, что прошло полгода. Вроде как только вытащил летние вещи из шкафа, а на дворе Рождество, а между этим десять лет боли. Гарри улыбнулся: Господи, я только сказал привет, а ты мне уже даешь классификацию отпечатков пальцев. Но я рад, что у тебя все в порядке. Мэрион рассмеялась, а Гарри прикурил косяк и, сделав пару быстрых затяжек, передал его Мэрион. Тони начал слегка подергиваться. Движения были невольными, словно он чувствовал приближающуюся катастрофу. Он с головой ушел в сюжет, ему было очень интересно, как именно докторяк разберется с плохим и спасет девку, он переживал за них, но что-то подсказывало ему, что проклятый телевизор настроен против него, Тони, и только и ждет момента, чтобы сцапать его. Он снова раскурил трубку, сделал пару глубоких затяжек, затушил ее и снова уставился в телевизор. Лучше со мной не связывайся, сукин сын. Я тебя предупредил. Он перестал дергаться и, устроившись в кресле поудобнее, снова исчез из вида. Мэрион усмехнулась. У него, похоже, свое садо-мазо с этой штукой, тебе не кажется? Ага. Как будто чувак и шлюха, которая ему не дает. Остальные тоже время от времени наблюдали за Тони и улыбались, развлекаясь, как

было уже много раз – и было куда интереснее происходящего на экране. А знаешь, чувак, он думает, это его старуха. Бля, да он никогда со своей старухой так не разговаривал. Они засмеялись и вернулись к своим разговорам, музыке и куреву. Гарри прислонился к Мэрион, а она гладила его по голове и играла с его волосами, и оба слушали музыку. Время от времени он ради развлечения протягивал руку и играл кончиками пальцев с ее сосками или ласкал ее грудь ладонью, очень нежно, даже мечтательно. Он наблюдал за своими пальцами, ласкающими ее напрягшийся сосок, представлял его под блузкой, и ему хотелось расстегнуть ее и поцеловать сосочек, но это казалось слишком сложным в тот момент, и он решил отложить это дело до следующего раза. Он просто слушал музыку и двигался навстречу ее пальцам, ласкающим его голову, сдаваясь на милость чувственных течений, в которых постепенно утопал. Знаешь, девочка, а это, пожалуй, даже получше ширева будет. Меня это здорово заводит. Мне тоже нравится. Мне всегда нравились волнистые волосы. Моим пальцам очень приятно их гладить. Сквозь них нельзя просто провести пальцы, как сквозь прямые. Они сопротивляются, будто они живые, и ужасно приятно *укрощать* их. Мэрион смотрела, как ее пальцы проходят сквозь волосы Гарри, наблюдая, как под ними закручиваются кончики волос, наматывала на них пряди, ощущала, как его волосы ласкают ее ладонь, и снова смыкала пальцы, медленно поднимала руку, чувствуя, как пряди волос скользят под ее руками, между

пальцев, и она понимала, что создает ритм для ласк, который управлял ее дыханием, а затем стал частью дыхания и перетек в рябь, проходившую через ее тело, когда Гарри ласкал ее сосок кончиками пальцев. Она представляла свой розовый сосок и то, что с ним было бы, если бы он оказался между губами Гарри, и в этот момент Тони снова стал орать на чертов телевизор: лучше тебе этого не делать, хрен ты лысый. Я тебя предупредил, мразь бесполезная, хватит с меня твоего дерьма. Он дернулся в своем кресле и вызывающе уставился на экран, и Тайрон хохотнул смешком Тайрона: я не против того, что он кроет на чем свет свой собственный телевизор, но я очень надеюсь, этот гондон не начнет отвечать ему, потому что, когда такое начнется, я завяжу с этим дерьмом и свалю отсюда, он сделал еще одну глубокую затяжку и отвернулся, чтобы не смотреть на тупую ухмылку Фреда, который всегда так делал, пытаясь заставить его захлебнуться дымом и закашляться; тут кто-то вытащил на свет божий ампулки, попперсы, и, вскрыв один пузырек, зажал ноздрю пальцем, глубоко вдыхая другой, пока пузырек не вынули из его руки, чтобы другой сунул его себе в нос, так же зажав ноздрю пальцем, и оба они упали на пол и катались по нему хохоча, а Тони подался вперед в своем кресле: я знал, я так и знал, что эти крысиные выродки сделают это, Господи Иисусе, грязные гнилые ублюдки; а Гарри и Мэрион внезапно одновременно прервали свои ласки, когда запах попперсов защекотал им ноздри, выпрямились и потянулись в ту сторону

и посмотрели на людей, лежащих вокруг, сидящих вокруг, хихикающих и рыдающих от смеха: эй, чуваки, киньте нам тоже, – и один из желтых пузырьков описал в воздухе дугу, шлепнувшись в руку Гарри, и они с Мэрион легли рядышком на пол, их тела практически проникали друг в друга, Гарри открыл ампулу, и они оба стали глубоко вдыхать пары, крепко держась друг за друга, их тела завибрировали, головы закружились, на мгновение им показалось, что они умирают, но потом они засмеялись и стали прижиматься друг к другу еще сильнее, умирая от смеха, зажав пузырек своими носами; Тони подался вперед еще больше: вы, грязные тварюги, я вам устрою клубничный душ, гондоны, – он поднял правую руку со старым пистолетом 22-го калибра и направил его в телевизор, – мое терпение лопнуло, вы достаете меня своими блядскими киношками, а потом засовываете мне их в глотку со всей этой херней, именно тогда, когда вот-вот что-то произойдет; а у всех под носами было по ампуле, и все катались по полу, смеялись, потели, чесались, а Тони злобно вперился в телевизор: ты слишком долго трахал мне мозг этими собачьими консервами, спринцовками, и когда под мышками не воняет, и туалетной бумагой, – он кричал все громче и громче, его лицо покраснело так же, как и тех, кто нюхал попперсы, а они слушали и смотрели на него глазами, которые щипало от стекающего со лба пота, корчась от истеричного смеха. **ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ? А? ХВАТИТ С МЕНЯ ВАШЕГО ДЕРЬМА. МУДАЧЬЕ ДОЛБАНОЕ,** – он

нажал на курок, и первая пуля попала точно в центр экрана, послышался глухой хлопок, который был заглушен новым взрывом истеричного смеха и воплями Тони, искры и языки пламени полетели из дыры в экране, и большие куски толстого стекла разлетелись по комнате; клубы дыма окружили телевизор, а Тони стоял и истерично орал: Я ДОСТАЛ ТЕБЯ, ТЫ, ХРЕНАК, ТЕБЕ ПИПЕЦ, ХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХА, – и он выпустил еще одну пулю в умирающий телевизор, ТЫ ПОЛУЧИШЬ, ЧТО ЗАСЛУЖИЛ, ХАХАХАХАХАХАХАХАХА, и еще одна пуля полетела в разваливающийся корпус, – КАК ТЕБЕ ЭТО НРАВИТСЯ? А? НРАВИТСЯ? ПИДОР ГНОЙНЫЙ, – и он продолжал херачить телевизор, всадив очередную порцию свинца в дымящиеся останки того, что минуту назад было сложным прибором. ДУМАЛ, ТЕБЕ ЭТО С РУК СОЙДЕТ, А? ДУМАЛ, ДА? А остальные смотрели и тряслись от хохота, когда он вlepил на ходу еще одну пулю в корпус, и вот он стоит над ним, оставив на десерт последний патрон, сияющий, ухмыляющийся, торжествующий, над изуродованными, тлеющими останками, глядя, как судорожно скачут нервные искры, убегая по дымящемуся проводу к розетке, где они взрываются и шипят, прежде чем исчезнуть, а у торжествующего Тони текли слюни от вида дрожащего под его взглядом, молящего о пощаде, о последнем шансе телевизора: я больше не буду, Тони, клянусь мамой, Тони, *пааажааалустааа*, ну последний раз, Тони, я все исправлю, клянусь жизнью мамочки, я

все для тебя сделаю, Тони, – а Тони глумился над умоляющим о пощаде телевизором, исполненный презрения к хнычущему сукину сыну: ШАНС??? ШАНС???? ЩАС Я ТЕБЕ, СУКА, ДАМ ШАНС, ХАХАХАХАХАХАХАХА, ТЫ ДАЖЕ НЕ МОЖЕШЬ УМЕРЕТЬ КАК МУЖЧИНА, ТРУСЛИВЫЙ СУКИН СЫН, – ну пажсааалуста, Тони, не стреляй, пож... – ЗАТКНИСЬ, МРАЗЬ, – лицо Тони скривилось в презрительной гримасе, он посмотрел телевизору прямо в глаза: пососи-ка вот это, – сказал он тихим, но страшным голосом и всадил последнюю пулю в трясущийся, жалкий телевизор, и телевизор задрожал от этого *coup de grâce*, по обгорелым внутренностям пробежала последняя искра и, шипя, исчезла в вечности, испустив последний дымок, который, клубясь, ушел в атмосферу, где смешался с дымом от травы, гашиша, сигарет и вонью попперсов. Тони пожал плечами и сунул пистолет за пояс: говорил я тебе, не выживайся, – он снова дернул плечом, никто не выживает на Тони Большие Яйца, ясно? И он спокойно присоединился к остальным, взяв предложенный ему пузырек, занюхал его и упал на пол, хохоча вместе со всеми, а кто-то предложил помолиться за упокой усопшего между приступами смеха, а Гарри с Мэрион вынюхали еще один попперс на двоих, и их тела продолжали трение друг о друга, и они смеялись, прилипая друг к другу кожей, и музыка продолжала дрейфовать сквозь дым и смех, и уши, и головы, и мозги, и сознание и каким-то образом выходила нетронутой и неизменной, и всем было хо-

рошо, чувак, по-настоящему хорошо, словно они только что покорили вершину горы Эверест, или прыгнули с парашютом, или летали как птицы, да, словно птицы парили в воздушных потоках, как большие птицы, чувак... да... Словно они вдруг стали свободными... свободными... свободными...

Сара Голдфарб сидела в своем кресле перед телевизором, покрывая лаком ногти и глядя в экран. Наведение марафета было долгим, сложным процессом, но Сара могла заниматься чем угодно, не отрываясь от телевизора, причем заниматься, к своему полному удовлетворению не упуская ни единого слова или жеста на экране. Может, маникюр и не был при этом идеальным и немного лака попало на пальцы, но кто это заметит? С расстояния в несколько футов ее маникюр будет выглядеть как профессиональный. А если и не будет, кому какое дело? Для кого ей стараться? Кто заметит, что ее ногти не так уж и хороши? Так же как и ее шитье, или глажка, или стирка? Не важно, что она делала, глядя одним глазом в телевизор, главное, что он отлично справлялся со своей задачей – чтобы ее дни и вся ее жизнь проходили относительно терпимо. Она вытянула руку перед собой и посмотрела на ногти, глядя на экран сквозь растопыренные пальцы. Она долго смотрела на пальцы, отчего у нее возникла оптическая иллюзия, будто они прозрачные. Она улыбнулась и посмотрела на другую руку. Такой красивый красный цвет.

Великолепно. Отлично будет смотреться с платьем. Скинуть несколько фунтов, и платье сядет как новенькое. Верх платья съехал с плеч от ее движений, и она, поправив его, откинулась в кресле так, чтобы платье не спадало. Она любила это красное платье. Она сможет похудеть. Или слегка распустить швы. В библиотеке должны быть книги про это. Завтра я пойду, возьму книги и сяду на диету. Она положила еще одну конфету в рот, почувствовала, как она тает, и наслаждалась вкусом шоколада, смешанного с кремовой начинкой, потом медленно прижала конфету языком к нёбу, улыбнулась и прикрыла глаза, чувствуя, как ее тело покалывает от наслаждения. Она отчаянно пыталась позволить конфете растаять самой, но, как бы ни старалась она подавить желание разделаться с ней, это оказалось невозможно. Глаза ее внезапно широко раскрылись, при этом на лице появилось очень серьезное выражение, и она энергично разжевала конфету, покатав ее во рту, а затем проглотила и вытерла уголки рта тыльной стороной ладони. У них в библиотеке полно книг. Вот я и попрошу у них одну. Ту, где написано, как быстрее всего похудеть. Возможно, скоро я появлюсь на телевидении, так что мне надо как можно быстрее похудеть, чтобы я могла влезть в красное платье. Она смотрела на экран, понимая действие и слова, но ее мысли все еще были сосредоточены на коробке с конфетами, что лежала на столе рядом с креслом. Она точно знала, сколько там еще осталось... и какие именно. Четыре. Три из темного шоколада и

одна из молочного. Та, что из молочного, украшена вишенкой и с вишневой начинкой. Одна – с карамелью, другая – с нугой, и еще одна – с бразильским орехом. Вишневая была последней. Конфету она заранее переложила к краю коробки, чтобы не взять по ошибке. Она шла последней. Может быть, она даже не станет проверять, какую именно конфету берет. Но все уже предопределено. Как всегда. Сначала нуга, потом бразильский орех, затем карамель. После – подождать как можно дольше, перед тем как съесть вишню в шоколаде. Она всегда играла. Сколько лет продолжалась эта игра? Десять? Может, и дольше. С тех пор как умер ее муж. Однажды она оставила ее в коробке... одну, на всю ночь. Она пошла спать, а конфета оставалась там, в коробке, в маленькой коричневой бумажке, в которые их так аккуратно заворачивают. Она бросила последний победный взгляд на коробку перед тем, как пойти в постель. Потом она отвернулась и чувствовала себя так хорошо, раздеваясь и устраивая себе гнездышко под одеялом, что уснула почти моментально. Насколько она помнила, сон ее всегда был спокойным, никаких кошмаров, и тут посреди ночи она внезапно подскочила в своей постели, проснувшись, лоб ее покрывала испарина, и несколько бесконечных секунд она вглядывалась в темноту, слушая, не понимая, что ее могло разбудить и почему, думая, не вор ли проник в ее квартиру и не собирается ли он прямо сейчас напасть на нее. Она напрягала весь свой слух, однако ничего не слышала, она сидела тихо, не шеве-

лясь, едва дыша, затем скинула с себя одеяло и устремилась в гостиную, безошибочно ориентируясь в темноте, к столу, на котором лежала коробка, выхватила конфету из коробки, словно рука ее направлялась свыше, и едва не упала в обморок, ощутив вкус шоколада. Она свернулась калачиком в своем любимом кресле, слушая свое чавканье, жадно поедая молочный шоколад с вишенкой и вишневой начинкой, а после этого, пошатываясь, вернулась в спальню. Проснувшись рано утром, она попыталась вспомнить что-то, не зная, что именно, сидя в мягком, словно фильтрованном, свете. Она смутно ощущала, что нечто случилось, и посчитала все это сном, но как ни пыталась вспомнить этот сон, так и не смогла. Она помассировала подошвы ног и виски, но это не помогло. Она несколько секунд стучала по голове костяшками пальцев, чтобы стимулировать свою память, но... по нулям. Она встала и бессознательно прошла в гостиную, вместо того чтобы пойти в ванную, включила телевизор – и внезапно очнулась, бросив взгляд на пустую коробку из-под шоколадных конфет. Некоторое время она смотрела на нее, потом все вспомнила и буквально рухнула в кресло, задрожав от осознания того, что она съела *конфету с вишенкой и вишневой начинкой*, даже не помня, как и когда это сделала. Она попыталась вспомнить момент, когда она жевала конфету, и вернуть ощущение вишневого сока на языке, однако как во рту, так и в ее сознании оставалось ощущение пустоты. Она чуть не заплакала, вспомнив, как сильно ей хотелось, чтобы

эта коробка продержалась хотя бы пару дней, хотя такого еще никогда не случалось, и ей очень хотелось оставить последнюю конфету на утро, тогда в итоге получилось бы три дня, а теперь коробка была пуста, а Сара даже не помнила, как она съела конфету. Это был паршивый день в жизни Сары Голдфарб. Она никогда не позволит случиться такому снова. Никогда больше она не позволит себе быть такой дурой, чтобы оставлять конфеты на следующий день. Завтра – это завтра. Бог дает нам каждый новый день как подарок, а потому теперь она будет есть каждый день по целой коробке и будет точно знать, что съела все. Она улыбнулась красавчику ведущему, потянулась и взяла последнюю конфету – ту самую, молочный шоколад, вишенка и вишневая начинка, – положила на язык и вздохнула, катая конфету языком во рту, чувствуя зуд нетерпения во всем теле и легкое сосущее ощущение в желудке. Потом она сдалась и слегка прикусила зубами подтаявшую шоколадную оболочку, получая неопишуемое удовольствие от смешивающихся во рту вкусов вишни и шоколада. Вишенка отделилась от оболочки, и Сара Голдфарб некоторое время покатала ее во рту, наполненном тягучими жидкостями, которым она позволила медленно стекать в ее подергивающуюся гортань. Затем она закатила глаза, хотя и не до такой степени, чтобы не видеть происходящего на экране, и впилась зубами в конфету. Она облила пальцы и вытянула перед собой обе руки, рассматривая красный лак на ногтях, одновременно глядя сквозь растопы-

ренные пальцы на экран телевизора, уйдя в свои фантазии, где она выходила на сцену в своем красном платье, так прекрасно на ней сидевшем теперь, когда она похудела, и в золотых туфлях, просто шикарных, а ее волосы были такими прекрасно рыжими, что ни в сказке сказать – о, чуть не забыла. Волосы. Они должны быть рыжими. Столько времени прошло с тех пор, как они были рыжими. Завтра я попрошу Аду покрасить мне волосы. Наплевать, если рыжий уже не моден. Я буду в красном. За исключением туфель. Не считая туфель, я буду во всем красном. Когда меня попросят представиться, я скажу, что я Красная Шапочка. Вот так прямо и скажу. Посмотрю прямо в камеру, на красный мигающий огонек и скажу, что меня зовут Красная Шапочка.

Гарри провожал Мэрион домой. Ночь была теплой и душевной, но они едва это замечали. То есть они *знали*, что ночь теплая и душевная, но это оставалось фактом посторонним и не имеющим к ним отношения. Их тела были все еще напряжены и слегка зудели после попперсов и смеха, и в то же время они были расслаблены и очень спокойны после всего выкуренного хэша. Это был прекрасный вечер, или утро, или что бы там ни было, для прогулок по улицам района Яблока, называемого Бронкс. Кое-где над зданиями проглядывало небо со звездами, луной и прочей ерундой, которая обычно бывает на небе, но они предпочитали думать о звездах, планетах и луне, глядя на фонари в конце улицы. Если уж эти

самые фонари мешают смотреть на звезды в небе, то примените немного волшебства, и сможете легко подстроить реальность под себя. Теперь вот уличные фонари превратились для них в звезды, планеты и луну.

[illegible]

ее в другую сторону, одновременно пытаюсь избежать потопа. Пойдем отсюда, ради Христа, – но она продолжала молиться, вздыхала и раскачивалась на его ремне, – ты нас сейчас утянешь. Внезапно он видит Гарри и Мэрион, настороженно вскидывается, потом улыбается и, раскинув широко руки, пытается прикрыть свою подружку, опустошающую мочевой пузырь. Гарри и Мэрион довольно ловко, хотя и словно во сне, уклоняются от потока, с триумфом перешагивая ручей мочи, и Гарри улыбается парню: а твоя старушка пописать не дура, чувак, – потом засмеялся, и они с Мэрион идут дальше по улице, а парень некоторое время смотрит им вслед, и тут в его голове звучит сигнал тревоги, когда он чувствует, что его тело опасно накренилось, и он пытается восстановить равновесие, однако после короткой борьбы обнаруживает себя в воздухе, летящим ласточкой прямо в соседнюю речку, – эй, какого хера ты делаешь, ты, ненор... – и со шлепком падает в поток, барахтаясь в нем: ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ! – в то время как его подружка лежит на спине, продолжая вздыхать: ааааа-хххххххх, – добавляя скорости и шума речному потоку, а ее счастливый спутник на эту ночь бултыхается в реку: Я НЕ УМЕЮ ПЛАВАТЬ, Я НЕ УМЕЮ ПЛАВАТЬ! – а потом в конце концов выбирается на берег исключительно благодаря своей мрачной решимости и выдержке, где тут же падает на колени и, опустив голову, пытается восстановить дыхание, а его подружка, вздохнув, переворачивается на бок и, приняв позу эмбриона, засыпает в кустах на берегу реки.

Гарри смеялся и качал головой. Алкаши – это слишком, ты не считаешь? Они вообще не врубаются, ну никакого понятия о приличиях.

Он и Мэрион продолжили прогулку по улицам, чувствуя сухость в горле и пустоту в желудке. Они остановились у круглосуточной кафешки, купили кусок пирога и пару шариков мороженого с шоколадным и клубничным сиропом и взбитыми сливками по краю. Мэрион заплатила, и они пошли к ней. Когда они расположились за кухонным столом, Мэрион прикурила косяк. Внезапно Гарри снова начал хихикать: эта блядь была просто нереальна. Парню нужна была лодка. Мэрион передала косяк Гарри и медленно выдохнула дым. На улицах надо устанавливать писсуары. Тогда ей не пришлось бы унижаться, просто чтобы помочиться. Мужики всегда могут отойти в аллею или за припаркованную машину, и это абсолютно приемлемо, но, если это делает женщина, она выглядит глупо. Именно это мне и понравилось в Европе, они цивилизованные. Гарри наклонил голову, глядя на нее и слушая, ухмыльнулся, возвращая ей косяк: не понимаю, кому ты сейчас это все рассказываешь, своему психиатру, что ли, или судье? От косяка оставалось совсем немного, и она предложила Гарри докурить, но он отрицательно покачал головой, и она аккуратно затушила «пятку», положив ее на край пепельницы. Вообще, тебе не кажется, что от всей этой темы тошнит? Я имею в виду, это же просто бред. Женщинам нельзя ни срать, ни ссать, ни пукать, ни пахнуть,

ни получать удовольствие от ебли – извиняюсь, от секса. Эй, детка, я тут ни при чем, да? Ты ж не всерьез. Я ж ни слова не сказал. Да все нормально. Мне надо на ком-нибудь практиковаться. Ну так иди и практикуйся на своем психиатре. Ему за это платят. Она улыбнулась: больше не платят. Завязала? Не совсем. Я с ним встречаюсь, но не как пациентка. Гарри засмеялся: ты его тоже трахаешь? Периодами. Когда настроение есть. Меня родители спрашивают, вижусь ли я с ним до сих пор, и я говорю, мол, да, вижусь, и они мне дают по пятьдесят долларов в неделю. Мэрион рассмеялась, мне даже врать не нужно. А того, что до него был, тоже трахала? Да, только все это стало напряжно. Он перестал выписывать рецепты, хотел бросить из-за меня жену, вправить мне мозги на место... знаешь, такой настоящий шовинист. Этот мужик другой. Иногда мы с ним встречаемся, это весело, и никакой прессухи. Мы просто хорошо проводим время. И он до сих пор выписывает рецепты на транки и барбитуру. Пару недель назад мы летали на Виргинские острова вместе на уик-энд. Это было клево. Да че там, офигенно. Звучит просто круто. Ага. Так твои предки, они все еще оплачивают счета, – он мотнул головой в сторону квартиры, – за хату и все остальное? Ага. Она снова громко и заразительно засмеялась, плюс полтинник на психиатра. И еще я занимаюсь кое-какой подработкой, редактирую в нескольких издательствах. А все остальное время балдеешь и кайфуешь, так? Она улыбнулась: ну вроде того. Ты отлично все разрулила, на са-

мом деле. Только почему ты постоянно наезжаешь на предков, всегда про них какие-нибудь мерзости рассказываешь? Да они меня затрахали своими среднеклассовыми претензиями, понимаешь? Типа, у них здоровый дом, куча денег, машины, престиж, и они собирают деньги для такого и всякого Фонда защиты своих еврейских прав, и Иисус знает чего еще – а Христа-то я чего сюда приплела? Ему надо быть поосторожнее, один раз мы его уже распяли, распнем и второй раз. Мэрион присоединилась к хохоту Гарри, да они бы и сами в этом поучаствовали. Просто они такие люди. Глотку перегрызут, чтобы заработать денег, потом отчисляют несколько долларов на защиту цветных и считают, что сделали миру большое одолжение. Посмотрим, какими либеральными они будут, если я приду домой с черным парнем. Они вроде не хуже других. Гарри откинулся назад, потянулся и поморгал: да весь мир – бардак. Возможно, но *весь* мир не заставляет меня краснеть от стыда. У них есть все, а культуры нет. Они тупые. Э-э, культура-шмультура, – он улыбнулся и пожал плечами, зевнул и сонно поморгал. Мэрион улыбнулась. Наверное, ты прав. В любом случае я не вижу причин позволять им опускать меня. Это все из-за хэша. Иногда меня высаживает на измену. Да, тебе надо бы научиться расслабляться, – Гарри улыбнулся сонной улыбкой, щелкнул пальцами, потряс головой, и они оба расхохотались, – когда, говоришь, пойдем в постельку? Пойдем, только не отключайся сразу. Эй, я что, по-твоему, совсем придурок, что ли? Они

прыснули, и Гарри плеснул себе в лицо холодной водой перед тем, как пойти в спальню. Он еще потягивался и устраивался поудобнее, когда Мэрион склонилась над ним, приблизив к нему свое лицо и рукой поглаживая его грудь и живот: я не знаю, может, это из-за травы, а может, из-за разговора о родителях, но я чертовски завелась. Ты это о чем? Это все из-за меня. Вот такой вот эффект я оказываю на телочек. Я неотразим. Особенно после того, как мне увеличили член хирургическим путем, – он хохотнул, а Мэрион посмотрела на него, покачав головой, – тебе еще не надоела эта бородастая шутка? Поговори об этом со своим психоаналитиком. Может, это просто исполнение желаний, – снова засмеялся Гарри. Мэрион фыркнула и поцеловала его, скользнув губами по его губам, а затем засунув язык ему глубоко в рот, Гарри ответил тем же и обнял ее, почувствовав ладонями ее гладкую кожу, лаская ее спину и ягодицы, в то время как она легко и нежно гладила его яйца и внутреннюю сторону бедер, целуя ему грудь и живот, затем схватила его член, немного погладила, обхватила его губами и начала ласкать языком, а Гарри продолжал гладить ее ягодицы и промежность, постанывая и вытягиваясь, прикрыв глаза, потоки света пробивались сквозь его закрытые веки, а когда он снова открыл глаза, то едва мог разглядеть жадно заглатывающую его член Мэрион, потому что его мозг был наэлектризован мыслями и образами, и, хотя наркотики и сексуальное удовольствие сделали его инертным, инертность эта была вос-

хитительна, абсолютно. Эта вялость была внезапно прервана, когда Мэрион села и ввела его член в себя, после чего он несколько часов, а может, секунд просто лежал и слушал возбуждающие звуки их секса – *Прокатись на петушке до Брэнберри-кросс*, – потом открыл глаза и притянул к себе ее за груди, чтобы удобнее было их ласкать, дразнить, посасывать и покусывать, в то время как его руки бродили вверх и вниз по ее спине, а Мэрион закатывала от удовольствия глаза, двигаясь, извиваясь, вздыхая, постанывая, и они продолжали заниматься любовью до тех пор, пока сквозь занавески не стали просачиваться утренние лучи, жар их страсти начал остывать в теплоте солнечного света, и в конце концов внезапный сон одержал верх.

Сара с любовью намазала кремовый сыр на рогалик, глядя одним глазом на тускло мерцающий в утреннем свете экран телевизора. Она щедро откусила от рогалика, запив небольшим глотком горячего чая. Периодически она подравнивала мягкий сыр ножом, прежде чем откусить снова и отхлебнуть еще немного чая. Она старалась не торопиться, но съела весь бублик еще до начала следующего рекламного блока. Я потерплю. До конца рекламного блока. В следующем ролике должны будут рекламировать кошачий наполнитель. У них такие славные киски. Они так мило мурлычут. Она отхлебнула из стакана с чаем, глядя в телевизор с мыслями о том, что, пожалуй, она потерпит с едой до конца *всей* рекламы.

Хотя это вообще не проблема. И после завтрака она пойдет в библиотеку за книгами по диете. Главное, не забыть. Сначала в библиотеку, а потом к Аде, красить волосы в прекрасный рыжий цвет. О, привет, киска. Ой, какой же миленький маленький котик. Такой хорошенький, так и хочется его потискать. Она потянулась и, взяв датский рулетик, стала машинально размачивать его в чае. Она осознала свои действия, только когда положила рулет в рот и начала жевать. Она посмотрела на кусок в своей руке, на следы зубов на нем и поняла, почему у нее такие приятные ощущения в животе и горле. Она почти полностью игнорировала рекламу, продолжая кусать и жевать как можно медленнее, делая маленькие глоточки из чашки. Прикончив вкуснейший рулет, она снова облизнула губы, затем пальцы, потом вытерла руки о кухонное полотенце, лежавшее у нее на коленях, и мягко промокнула губы, прежде чем отпить еще чаю. Она посмотрела на упаковку от выпечки и, вытерев пальцем остатки глазури, слизнула ее. Никакого расточительства. Мммммм, так вкусно. Особенно вкусно было сегодня утром. Может, стоит съесть еще немного? Но тогда я пропущу конец программы. Нет, больше не стоит. Вообще надо забыть о сладком. Буду смотреть сериал и не думать о датской выпечке. Она продолжала стирать пальцем остатки глазури, слизывая их. В конце концов она смяла все обертки и упаковки в комок и бросила в мусорное ведро, забыв о бубликах с мягким сыром и рулетиках, которые были сегодня какими-то особенно неж-

ными. Особенными. Она посмотрела сериал и, как обычно, вздохнула над счастливым и забавным концом, потом допила чай и стала собираться в библиотеку. Помыла тарелку, нож и стакан, поставила их на сушку, причесалась, привела себя в порядок, надела милый свитер с пуговками, затем посмотрела на телевизор, выключила его и вышла из квартиры. Она знала, что для почты еще рано, но все равно проверила почтовый ящик. На всякий случай.

Библиотека была в двух кварталах налево, но она автоматически повернула направо, не осознавая этого до того самого момента, когда продавщица отдала ей сдачу и рулет: пожалуйста, миссис Голдфарб. Всего доброго. Спасибо, дочка. Сара вышла из кондитерской, пытаясь не думать о том, что у нее в сумке, однако эта игра не могла продолжаться долго, потому что она не только знала, что находится в сумке, но и хотела вытащить это как можно быстрее и съесть. Однако ела она рулет медленно, вдумчиво, маленькими кусочками, щекотавшими ее нёбо, и смогла растянуть удовольствие до самой библиотеки. Она поинтересовалась у библиотечарши, где стоят книги по диете. Библиотечарша выразительно глянула на пакет из кондитерской, который все еще сжимала в руках Сара, и провела ее к секции с книгами по диете. Господи, сколько же их. Я могла бы похудеть, просто глядя на них. Библиотечарша усмехнулась: правильный, мол, ход мысли. Но не беспокойтесь, мы что-нибудь подыщем. Я надеюсь. Меня пригласили на телевидение, и я подумала, что

неплохо было бы скинуть несколько фунтов, чтобы выглядеть стройнее, – Сара закатила глаза, и библиотекарша засмеялась. Вообще-то вам нужна не совсем эта секция. Здесь книги о правильном здоровом питании, а также о неправильном питании и заболеваниях. Вот болезней нам не нужно, спасибо. И лишнего веса тоже. А он у меня имеется. Сара Голдфарб улыбнулась библиотекарше, и та улыбнулась в ответ. Глаза Сары вдруг засияли, совсем чуть-чуть. Книжки, которые должны быть вам интересны, находятся здесь. О том, как сбросить лишний вес. Сара попыталась оглядеть их все сразу, они такие толстые, извините за каламбур. Она подмигнула библиотекарше, которая еле сдерживала смех. Мне кажется, тоненькая книжка лучше. У меня мало времени. Мне время нужно, чтобы похудеть, а не книжки читать. Я могла бы мускулы накачать, если бы поднимала эту книгу. У библиотекарши уже почти слезы лились от еле сдерживаемого смеха. Ну что ж, вот самая тоненькая, давайте посмотрим, что там есть. Кивая, библиотекарша быстренько пролистала книжку, да, да. Мне кажется, эта книга то, что вам нужно. Минимум чтения, все написано легким и доступным языком, и, думаю, это будет для вас очень интересно, тут говорится, что вы сможете терять до десяти фунтов в неделю, а то и больше. Мне уже нравится. И еще я недавно слышала, что эта книга сейчас очень популярна. У нас только три экземпляра, и они редко бывают на полке. Полагаю, это хорошая книга, с этой точки зрения. Она снова хихикнула.

Конечно же, я не проверяла на собственном опыте. Я вижу. Ох, как я вас ненавижу. Только не говорите, что едите мороженое-пирожное каждый вечер. Библиотекарша все еще хихикала, приобняв Сару за плечи, нет, только пиццу. Обе женщины засмеялись, и библиотекарша не убирала руку с ее плеча по пути к своему столу. Зарегистрировав, она отдала Саре книгу и предложила выбросить пустой пакет. Сара посмотрела на пакет из-под рулета, зажатый в ее руке, и пожалала плечами: да, конечно. Бедная ручка хорошо работала, надо отдохнуть. Библиотекарша засунула пакет в корзину для мусора. Всего доброго, миссис Голдфарб. Сара улыбнулась и подмигнула: удачи, красавица. По пути домой она всю дорогу крепко сжимала в руке книгу. Солнце было теплым и приятным, и ей было весело на душе от криков и воплей детей, бегающих по улицам между машинами, прыгающих друг другу на спины, не обращая внимания на гудки клаксонов и крики водителей. Она чувствовала, что худеет, просто держа эту книжку в руках. Может быть, сегодня днем, после Ады, она выйдет посидеть на солнышке и почувствует себя стройняшкой. Но сперва – волосы.

У Ады все было готово. Вот уже двадцать пять лет она красила себя и с закрытыми глазами могла превратить в рыжую любую женщину. Может, не всегда зная наперед, каким именно будет оттенок, но тем не менее рыжий цвет гарантирован. Сначала она приготовила себе и Саре по чашке чая, поскольку, уж поверьте, он понадобится, чтобы смыть вкус и

приглушить запах краски, а затем принялась за работу. Она разместила все необходимое на кухонном столе, чтобы им было видно происходящее на экране. Ада обмотала полотенцем шею Сары и принялась за работу. Лицо Сары скривилось, как черносливина: фуу, ну и вонь. Мы что, на вонючей Гаванас-кэнал-стрит? Расслабься, подруга, тебе придется потерпеть. Привыкнешь. Привыкнуть? Да я практически аппетит потеряла. Они обе хихикнули, и Ада продолжила обрабатывать волосы Сары, пока они слушали и смотрели телевизор. Примерно через час Сара притерпелась к запаху, и, когда к ней вернулся аппетит, она поинтересовалась, смогут ли они закончить до обеда. Дорогая, хорошо, если к ужину управимся. Так долго? Именно. А я-то думала, что смогу еще на солнышке посидеть. Подумай о том, какой красивой ты будешь с рыжими волосами. Сегодня волосы, завтра солнышко.

После полудня Гарри и Мэрион проснулись от жары и яркого света. Каждый решил притвориться, что еще спит, чтобы другой не догадался, что он уже проснулся, но через несколько минут эта игра их утомила. Тем более что у Гарри был припасен хороший чек. Посидев несколько секунд на краю кровати, он встал, прошел в ванную, сполоснул лицо холодной водой, вытер его полотенцем и наполнил стакан водой. Эй, детка, вставай и готовь свой прибор, у меня кое-что есть. Мэрион села и моргнула, уставясь на дверь ван-

ной. Прикалываешься, Гарри? Эй, мне не нравятся такие игры. Я и Тай замутили вчера офигенного динамита, и у меня немного осталось. Мэрион достала спрятанный шприц и зашла в ванную к Гарри: вот. Она положила ложку на край раковины, и Гарри, насыпав в нее немного порошка, заварил раствор. Втянув всю жидкость из ложки в шприц, Гарри вылил половину обратно и вручил шприц Мэрион. После вас, леди. Что ж, спасибо, добрый сэр. Мэрион еще не до конца проснулась и нетвердо стояла на ногах после вчерашней вечеринки и дневного сна, но все-таки сумела за секунду найти хорошую вену и сделать укол. Она начала клевать носом практически сразу, и Гарри, вытащив шприц из ее руки, промыл его и поставился сам. Несколько минут они сидели на бортике ванной, чесались и курили. Гарри бросил окурок в унитаз и встал: ну что, может, пойдем и оденемся, — и пошел в комнату Мэрион, одеваться. Мэрион осталась сидеть, почесывая нос, пока жар от догорающей сигареты не заставил ее открыть глаза. Она выбросила окурок в унитаз и сполоснула лицо, медленно, склонившись над раковиной, глядя на полотенце и воду, улыбаясь при мысли о том, как она возьмет полотенце, смочит в воде и намылит его, потом потрет им лицо и смоет мыло холодной водой, потом насухо вытрет его... А сама все это время просто мечтательно накручивала полотенце на палец. В конце концов она все же взяла полотенце, аккуратно выжала из него воду, протерла лицо и встала перед зеркалом, глядя на себя... Потом она

улыбнулась. Она подождала, пока кожа сама высохнет на горячем воздухе, наслаждаясь щекотными ощущениями, и обхватила руками груди, улыбаясь гордо и радостно, поворачиваясь и позируя под разными углами, любуясь их размером и упругостью. Она подумала, не расчесать ли ей волосы, но решила просто придать им объем руками, массируя кожу головы, потом еще несколько минут повертелась перед зеркалом, прежде чем надеть халат и выйти к Гарри, сидевшему за кухонным столом. Ну наконец-то. Думал, ты там утонула. Она улыбнулась и шутливо ущипнула его за сосок. Эй, осторожнее. Хочешь, чтобы у меня был рак? Он шлепнул ее по попке, и она снова улыбнулась, села рядом и прикурила сигарету. Господи, классная штука. Гарри искоса пожирал ее взглядом. О чем это ты? Она улыбнулась. Животное. Ага. Тебе, похоже, нравится. Что-то не помню, чтобы ты жаловалась. Эй, ну ты же меня знаешь, я люблю покайфовать. Вот уж не знаю, кого ты там любишь, и они оба тихо захихикали – счастливые лица, глаза полуприкрыты. Мэрион налила в стаканы «Перье», и Гарри с минуту смотрел на пузырьки, после чего спросил, есть ли у нее сода. Нет, но есть лаймы. Гарри хохотнул. Они сидели, курили и пили минералку, пока не почувствовали, что их немного отпустило и глаза начинают потихоньку открываться. После второго стакана Мэрион спросила Гарри, не хочет ли он чего-нибудь съесть, – ага, только сначала прими ванну, – и он хихикнул. Животное. Йогурт будешь? Гарри заржал. Йогурт??? Уау... и меня

еще называют животным, — все еще смеясь, сказал он. Мэрион улыбнулась: иногда мне кажется, что ты ненормальный. Иногда? Да, иногда. В остальное время у меня в этом нет никаких сомнений. Она достала из холодильника две баночки йогурта, поставила их на стол и достала ложечки. Что ж, приятно слышать, что бывает время, когда ты не сомневаешься. Нерешительность — это ужасно. Все так же балдеешь от ананасовых йогуртов, а? Да. Обожаю. Но разве ты никогда не хотела съесть клубничный, или черничный, или еще какой? Нет. Только ананасовый. Могу жить только на них. Что ж, малышка, если ты будешь есть эти йогурты и выглядеть так, как сейчас, то я обеими руками за. Мэрион расправила плечи и подбоченилась — тебе нравится, как я выгляжу? Шутишь? Да ты офигенная, детка, — Гарри перегнулся через стол, — так бы и слопал, настолько ты клевая. Может, сначала йогурт? Очень питательная штука. Правда? Ты имеешь в виду, от него хорошо стоит, да? Мэрион улыбнулась и покачала головой. Съев ложку йогурта, она облизнула губы. Как ты можешь смеяться над своими шутками, они ведь ужасные? Так и есть, но мне они нравятся. Если я не буду над ними смеяться, то кто? Мэрион, улыбаясь, доела свой йогурт. Они выпили еще по стакану «Перье», наслаждаясь своим состоянием, несмотря на выступивший из-за жары и героина пот. Гарри закрыл глаза и глубоко задышал, на его лице блуждала умиротворенная улыбка. Что это ты делаешь? Нюхаю. Нюхаешь? Нюхаешь что? Нас, детка. Нас. Здесь пах-

нет, как на Фултонском рыбном рынке. Мэрион улыбнулась и покачала головой: не будь таким противным. Уж лучше, чем быть тупым, и в любом случае я – очаровашка. Гарри засмеялся, Мэрион улыбнулась, потом он поднялся: давай-ка примем ванну, а? Мэрион улыбнулась: вот уж не знала, что ты вообще это умеешь, – и засмеялась. Мне это понравилось. Неплохо. Теперь смеялись оба. Перед тем как зайти в ванную, Гарри снял брюки и трусы и швырнул их на кровать. Мэрион добавила в воду ароматическое масло, и они плескались, наслаждаясь пахучей водой, и медленно намыливали тела друг друга, потом так же медленно смывали друг с друга пену, медленно уплывая от полуденного зноя.

Сара, моргая, смотрела на себя в зеркало. Это что, рыжий? Ада пожала плечами: вообще-то не совсем, но почти, что-то в этом роде. В этом роде? Да они вовсе не родственники. Ну, может, бедные. Без пособия по безработице. Насколько бедный беден? Насколько высокое высоко? Это рыжий. Не рыжий, но... рыжий. Рыжий? Ты хочешь сказать, это рыжий? Да. Хочу. Это – рыжий. А что тогда оранжевый? Если это рыжий, то тогда я хочу знать, что такое оранжевый. Хочу посмотреть на оранжевый, который не состоит с этим рыжим даже в дальнем родстве. Ада посмотрела на волосы Сары, потом на отражение, потом снова на волосы, на отражение, потом выпятила губы и пожала плечами. Ну, может, немного оранжевый. *Немного* оранжевый? Ада кивала,

глядя на отражение Сары в зеркале. Да, выглядит, как будто немножко оранжевый. *Немножко* оранжевый? Немножко оранжевый это, типа, «слегка беременная»? Ада снова пожала плечами. Не вижу смысла так нервничать. Все будет нормально. Не стоит нервничать? А если кто-нибудь захочет из меня выжать апельсинового сока? Успокойся, дорогая. Нужно просто еще немного обесцветить. Для телевизора сойдет. Да я выгляжу как термометр. Вот на что я похожа. На перевернутый термометр. Ну, тогда лучше не падай. Расслабься. Сейчас пообедаем копченой рыбкой с мацой. Давай-ка присядь. Ада оттащила Сару от зеркала и усадила за стол. Я налью тебе чаю, и тебе станет лучше. Ада поставила чайник и достала из холодильника рыбу, из хлебницы мацу и посуду из шкафа. Весь день мой скальп скребли, жгли, я воняла дохлой рыбой, а в результате выгляжу как баскетбольный мяч. Твоя беда в том, что ты не можешь расслабиться. Говорю же тебе, все нормально. Завтра мы все повторим, и ты будешь выглядеть как Люсиль Болл. Вот, попробуй лучше копченой рыбки.

Тайрон заглянул к Мэрион вскоре после захода солнца. Некоторое время они сидели и курили косяк, потом Мэрион решила, что им нужно поесть, я умираю от голода. Ага, я тоже, найди мне «сникерс». Блин, Тай, ты вообще что-нибудь, кроме «сникерсов», ешь? Ага, «чаклс». Люблю «чаклс». Ты, похоже, вообще ни хрена не умеешь правильно пи-

таться, чувак. Тебе нужна хорошая порция куриной лапши. Кола и «сникерс» вполне меня устроят. Ну, надеюсь, тебя не обидит, если я не стану есть то, что рекламируют по телевизору. Когда я голоден, я ем, и не хочу слышать никаких подковырок от тебя, Гарри. Да я ни слова не сказал. Нет, но ты слишком громко думаешь. Чиеерт, да если у него была какая-нибудь мысль, она была первой в его жизни. Все рассмеялись, и Мэрион пошла в магазин, откуда быстро вернулась с длинным французским батоном, сыром, салями, оливками и двумя бутылками недорогого кьянти. Эй, детка, посмотри-ка на эту дешевую хавку. Смотри, чтобы МАФИА тебя не услышала, им такое оч-чень не понравится. А что это такое? Могушественная армейская федерация италоамериканцев. Они поджарят тебе задницу, сынок. Чиеерт, они от меня отличаются только тем, что я лучше пахну. Почему бы одному из вас, *бонвиванов*, не открыть бутылку, пока я тут с посудой разбираюсь? Ништяк. Вот, пожалуйста. Гарри бросил Тайрону штопор и пошел к стереосистеме поставить музыку. Буквально через пару минут Мэрион выложила на стол тарелки, серебряные столовые приборы и доску для резки. Гарри налил вино, понюхал бокал, сделал глоток, подержал вино во рту, потом промокнул губы. Отличный букет. Прекрасный аромат. Мягкий вкус. Прекрасное вино. Должно быть, выдержка не меньше недели, так? Блин, да мне насрать, какой у него пол и возраст, главное, чтоб в нем носки не стирали. Тайрон, там, откуда это вино, носков вообще не

носят. Оооо, этой чиксе палец в рот не клади, старый, это точно, – и они хохотали, отрезая куски от салями, хлеба и сыра, запивая их вином, при этом парни вытирали рот ладонями, Мэрион же аккуратно промакивала губы салфеткой, потом и Гарри последовал ее примеру. Мэрион ела медленно и с удовольствием, и Гарри тоже сбавил темп. Когда они закончили, на их тарелках лежали только колбасные очистки и крошки хлеба. Они сварили кофе и раскурили еще один косяк. Когда тот был скурен, Мэрион принесла десерт – три пирожных. Тайрон с энтузиазмом вгрызся в свое, а Гарри старался подражать изящным манерам Мэрион, которая аккуратно отламывала маленькие кусочки пирожного вилкой и медленно, неторопливо жевала, прежде чем сделать очередной глоток кофе, после чего промакивала губы салфеткой. Закончив, Тайрон откинулся на стуле и похлопал себя по животу: аахринеет... Это было что-то. Они снова наполнили чашки горячим кофе, запалили еще один косяк и закайфовали от ощущения глубокого удовлетворения, от чувства абсолютной уверенности в том, что и с миром, и с ними все хорошо и что этот мир был перед ними не только на блюде с голубой каемочкой, но еще и под устричным соусом. И все в мире принадлежало им, и не было в мире ничего невозможного. Гарри посмотрел на Тайрона Си Лава: думаю, нам стоит забыть о сегодняшней разминке, а? Э, дружище, мне даже говорить о работе не хочется, она вообще мне не особо по приколу, но именно сейчас мне хочется думать только о

Тайроне Си Лаве и о том, как ему сейчас хорошооооо. Тайрон поднял взгляд на потолок и улыбнулся. Ну, вообще-то мне еще приятно думать о какой-нибудь хорошенькой лисичке, но я суперуверен, что мне не хочется иметь ничего общего с работой в любом виде. Мэрион открыла глаза так широко, как смогла, и подняла брови. Это что еще за работа? Поспорили, что ли? Тайрон заржал: черт, вот это правильная девчонка, дружище. Гарри тоже засмеялся и рассказал об их плане пойти немного поработать и поднять побыстрее деньжат, чтобы купить дерьмеца у Броди, разбодяжить и скинуть. Мэрион внимательно слушала. Она согласилась, что это была неплохая идея, только — не думаю, что вы, ребята, встанете в такую рань. Да мы запросто. Может, вы туда и доберетесь, но как долго вы протянете? Эй, детка, не надо обламывать, мне так сейчас кайфово. Мы замутим «скоростей», и это нам поможет продержаться. Они заулыбались, закивали. Что ж, если вам только это и нужно, я могу вам подсобить. У меня всегда есть запас таблеток декса и сонников. Блин, не торопи события. Нам надо все обдумать, правильно, чувак? Гарри засмеялся. Не паникуй, Тай, сегодня работать мы не пойдем. Можешь свою жопу на кон поставить, я и не собирался. Не-а. Черта лысого я стану ломать такой кайф. Они снова засмеялись, потом Гарри вдруг стал серьезным. Ну а завтра? Отойдем за день, а потом закинемся дексом и возьмем с собой по паре таблеток на всякий случай. Что скажешь, Тай? Чиеерт, меня зарубает, старик. Не забудь, завтра. Моя святая

мамуля всегда говорила, никогда не делай сегодня того, что можно отложить на завтра. И еще я собираюсь зайти к одной девочке, а она точно меня никуда до завтра не отпустит. У тебя хватит таблеток, чтобы завтра мы могли нормально поработать? Сама понимаешь, мы так не потянем. Конечно. Я же говорила тебе, у меня есть пара докторишек, рецептов хватит. Тогда все круто. Завтра ночью поднимем денег, да? Конечно, детка, – и они хлопнули по рукам. Мы на верном пути.

Сара сидела в своем любимом кресле перед телевизором и читала книгу о диете, рассчитывая свою норму шоколада. Она прочитала вступление, затем по диагонали пробежалась по главам, где говорилось о необходимости поддержания нормального веса, приводились параметры отношения нормального веса к росту, диаграммы, показывающие влияние избыточного веса на состояние здоровья в процентах и фунтах. Общий посыл был таков: срочно худей, иначе умрешь медленной и позорной смертью. Она дошла до главы, в которой говорилось о преимуществах данной системы над другими и о том, что химические изменения в организме, вызванные данной системой, сами вынудят тело сжигать жир и лишние фунты будут таять как лед на солнце. Звучало неплохо. Может, завтра я пойду и позагораю на солнышке. Она продолжила чтение, но вскоре снова стала пропускать страницы. Да верю я, верю, но где же сама диета??? ПЕРВАЯ

НЕДЕЛЯ. Она мгновенно проглотила целую страницу. Поморгала и вернулась к началу. Страница не изменилась. Она перечитала ее. Строку за строкой. Все то же самое. Не глядя она пошарила рукой в коробке в поисках карамельки в шоколаде и, жуя и причмокивая конфеткой, продолжала смотреть на страницу, не веря своим глазам.

Завтрак

1 яйцо вкрутую

1/2 грейпфрута

1 чашка черного кофе (без сахара)

Обед

1 яйцо вкрутую

1/2 грейпфрута

1/2 кочана латука (без заправки)

1 чашка черного кофе (без сахара)

Ужин

1 яйцо вкрутую

1/2 грейпфрута

1 чашка черного кофе (без сахара)

Примечание: Пейте как минимум 2 кварты воды в день.

Сара смотрела и жевала. Она очень внимательно вглядывалась в текст, пытаясь вычитать информацию между строк и найти разгадку. Каждый вечер в новостях этот милый молодой человек с усами и в очках говорил: но если читать

между строк, сразу станет ясно, что имелось в виду... Она смотрела. Она читала. Она держала книгу под разными углами, но видела только белую бумагу. И в конце концов ее осенило. Она хлопнула себя по лбу. Ну и дура. Если это только первая неделя, то на вторую должно быть что-нибудь другое. Конечно. Они будут добавлять еду. Вот в чем все дело. Она быстро перевернула страницу и... то же самое. Абсолютно. Как можно? Ага, вот в чем разница. Она внимательно перечитала меню на вторую неделю, и оно действительно отличалось. Вместо яйца там был жареный мясной пирожок. Она быстро перевернула страницу и прочитала меню на третью неделю. Там вместо мясного пирожка была жареная рыба. Она уронила книгу на колени и потянулась за новой конфетой. *Никакого шоколада.* Она смотрела на коробку. Да как такое может быть? Как можно есть только *это*? Да этим и мышь не накормишь. Она почувствовала пустоту внутри. Глубокая печаль переполняла ее. Ее голова потихоньку склонялась вниз, и ей пришлось закатить глаза, чтобы видеть происходящее на экране. Она чувствовала себя очень несчастной, разбитой и одинокой. Абсолютно одинокой. Одинооокой. Ее горло сжалось, и слезы быстро наполнили ее глаза. Она часто моргала, чтобы не дать им пролиться, а потом увидела себя на экране в своем красном платье, с прекрасными рыжими волосами, такую подтянутую, стройную, сексуальную. Какие формы. Сколько лет прошло с тех пор, как у нее были такие формы? Кто теперь помнит? Ко-

гда она только познакомилась с Сеймуром, у нее были красивые формы. Тогда она была подтянутой. Да, точно, подтянутой. Красивой. О, как же Сеймур смотрел на нее. И касался. Он говорил о том, что все его друзья завидовали ему. Я была такой красивой. *Zophitic*. Я была *zophitic*. Она смотрела на себя, стоящую рядом с ведущим, который представлял ее аудитории, и слышала аплодисменты и восторженные крики. Она улыбнулась. А может, они захотят выбрать меня в постоянное телешоу, когда увидят, как я выгляжу? Она наклонила голову сначала в одну сторону, потом в другую, рассматривая себя на телеэкране, и на ее лице появилась широкая улыбка одобрения. Да разве это проблема – питаться только яйцами какое-то время? Буду пить много воды, и лишний вес растает... мгновенно. Тоже мне, подумаешь. Нужны ей эти пирожные! Она прикончила конфеты, чтобы их не выбрасывать, и пошла в спальню, с нетерпением ожидая наступления следующего утра, чтобы проснуться и начать с новой диеты, которая позволит ей скинуть лишний вес легко и просто, и это станет началом новой жизни. Раздеваясь, она даже стала напевать «*By Mir Bist Du Schön*». Простыни были прохладными и уютными, а темнота – дружелюбной. Она вдохнула в подушку и свернулась калачиком, следя за пятнышками света под закрытыми веками, пока они наконец не исчезли, и к ней пришли сны о Сеймуре и тех счастливых годах, которые они провели вместе. Она снова вдохнула и с улыбкой помолилась за Сеймура... и за Гарри. Он всегда был

таким хорошим мальчиком. Как она любила с ним нянчиться. Она вспомнила его маленькие пухленькие ножки, которые она так любила ласково покусывать. Такая радость, такая радость была возить его по бульвару в коляске и гулять с ним в парке... Ох, если бы только они могли оставаться маленькими всегда... Мамочка, мамочка, смотри... О, Гарри, дай тебе Господь не испытывать боли... Ахххх, мальчик мой. Пусть у тебя все будет хорошо, и хорошей тебе жены... Хорошей свадьбы... Лето перед их свадьбой. Помнишь, Сеймур? Марди Гра. Мой первый раз на Кони-Айленде. Клоуны, драконы и конфетти... солнце... Помнишь, какое в тот день светило солнце, Сеймур? Даже сейчас я в состоянии его почувствовать. И мы сели на карусель... Я даже сейчас слышу эти звуки... в тот раз они были какими-то другими. О, Сеймур, столько дней, не похожих на эти... И ты крепко обнимал меня, – Сара хохотнула и заерзала в кресле, – и ты говорил такие слова... Меня покажут по телевизору, Сеймур. Представляешь? Твоя Сара в телевизоре! Ада покрасит мне волосы. В рыжий. В тон моему красному платью. Ну, почти в тон. Помнишь, я надевала его на бар-мицву Гарри? Вообще-то волосы пока что так себе, но Ада обещала перекрасить их. Ты только представь, твою Сару покажут по телевизору. Мог ли ты такое представить? Может, я даже останусь там подольше. Возможно, они захотят пригласить меня и в другое шоу. Помнишь, как Лану Тернер нашли в аптеке? Помнишь? Думаешь, я говорю ерунду? Кто знает. Это как будто

новая жизнь, Сеймур. Это действительно новая жизнь... И Сара Голдфарб, миссис Сеймур Голдфарб, потерлась щекой о подушку и улыбнулась такой светлой улыбкой, которая даже в темноте светилась радостью, идущей из ее сердца и души. Теперь можно не заботиться о том, как выжить, а просто жить. У Сары Голдфарб появилось будущее.

Гарри и Мэрион добились остатки его порошка и расположились на диване, путешествуя туда-сюда между кайфом и музыкой. В музыке присутствовала мягкость, которую они воспринимали чисто автоматически, мягкость была и в свете, который просачивался сверху и снизу штор, образовывал расширяющиеся круги и, просачиваясь сквозь разноцветные узоры и мягко раздвигая темноту по углам, окрашивал комнату в приятный глазу оттенок; нежность и доброта окутывали их отношение друг к другу, когда они, обнимая друг друга, отворачивались, чтобы сигаретный дым не попадал в лицо партнеру; даже их голоса были тихими и нежными и казались частью музыки. Гарри убирал волосы со лба Мэрион, любуясь тем, как мягкий свет отражается от идеальной черноты ее волос и словно заставляет мерцать в полумраке контуры ее носа и скул. А знаешь, я всегда думал, что ты самая красивая женщина на свете. Мэрион улыбнулась и посмотрела на него: правда? Гарри кивнул и улыбнулся: с того самого момента, как я тебя встретил. Мэрион погладила его щеку кончиками пальцев, нежно улыбнувшись: это так

мило, Гарри. Ее улыбка стала еще шире: мне так хорошо от этого. Гарри хохотнул: твоему эго уж точно, а? Ну, не могу сказать, что оно страдает от этого, но это не то, что я хотела сказать. От твоих слов мне так хорошо, словно... Ну, знаешь, многие говорят мне что-то типа этого, но их слова для меня абсолютно ничего не значат, то есть абсолютно. Ты думаешь, что они тебя разводят? Да нет же, ничего подобного. Даже если это и так, мне все равно. Возможно, они действительно так считают, но когда я слышу такие слова от других, – Мэрион пожала плечами, – это не имеет для меня никакого значения. Не важно, может, они самые искренние люди на земле, а мне хочется поинтересоваться, например: а как вы относитесь к ценам на кофе, понимаешь, о чем я? Гарри кивнул и улыбнулся: ага... Она посмотрела ему в глаза, прямо ощущая нежность в своем взгляде. Но когда это говоришь ты, я *слышу* это. Понимаешь, да? По-настоящему *слышу*. Для меня твои слова имеют значение. Они не только важны для меня, я не просто их слышу – я верю им всем сердцем... и от этого мне становится очень хорошо. Я рад, – улыбнулся Гарри. Да – оттого, что ты мне *делаешь* хорошо. Она в возбуждении повернулась: а знаешь почему? Потому, что я чувствую, что ты знаешь меня настоящую. Ты не просто смотришь на то, что снаружи, – Мэрион смотрела Гарри прямо в глаза, – нет, ты смотришь в глубь меня и видишь там *настоящего* человека. Мне всю жизнь твердили, что я красивая, Брюнеточка-Красавица, будто от этого у меня все

должно быть в порядке. Не беспокойся, милая, ты у нас красавица, и все у тебя будет в порядке. Моя мать просто сдвинулась на этой теме. Будто это альфа и омега существования. Как будто если ты красива, то тебе не о чем мечтать, ты не чувствуешь боли, или отчаяния, или одиночества. Почему ты такая несчастная, ты же такая красивая? Господи, они меня просто с ума сводят – типа я всего лишь красивое тело, и ничего больше. Ни разу в жизни, ни единственного разочка они не попытались любить меня настоящую, любить меня такую, какая я есть. Гарри продолжал гладить ее по голове и по щеке, ласкать ей шею и мочку уха, с улыбкой глядя, как она откликается на его ласки, как смягчается ее улыбка. Наверное, мы с тобой родственные души, и потому чувствуем такую близость. Ее глаза засияли еще ярче, когда она повернулась к нему и, склонив голову ему на плечо, посмотрела в глаза: именно об этом я и говорила. Понимаешь, у тебя есть чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.